

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

АЛИСА И АКАДЕМИЯ
БЕЛЫХ РОЗ

Сергей Патрушев

Алиса и Академия Белых Роз

«Автор»

2026

Патрушев С.

Алиса и Академия Белых Роз / С. Патрушев — «Автор», 2026

В Академии Семи Шпилей магия имеет вкус пепла и роз. Здесь талантливые студенты не заканчивают обучение. Они становятся стеклом в подземных саркофагах, питая своей агонией древнего Титана. Алиса видит нити судьбы, но её прикосновение стирает разум. Её муж Грей хранит внутри себя ярость зверя на коротком поводке долга. Они искали убежище, но нашли склеп, где Баланс измеряется литрами украденной крови. Когда первая жертва проснётся от вековой спячки ревности, белые розы обратятся в прах, а шпили рухнут.

Чтобы спасти мужа из пасти каменного бога, Алисе придётся нарушить Равновесие. Но если убить Сердце Академии, континент утонет во тьме Раскола. Выбор прост: стать монстром ради любви или позволить миру уснуть навсегда под хрустальным саваном иллюзий.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дар и Проклятие	5
Глава 2. Академия Семи Шпилей	13
Глава 3. Первая жертва	21
Глава 4. Шепот в библиотеке	28
Гл	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алиса и Академия Белых Роз

Глава 1. Дар и Проклятие

Стук колес по стыкам старых рельсов был монотонным, как пульс засыпающего гиганта. Грей спал на соседней полке купе имперского экспресса «Аврора», закинув руку за голову. Его дыхание было ровным, глубоким — дыхание человека с чистой совестью или слишком уставшего, чтобы помнить о ее существовании. Для боевого мага его уровня сон в трясущемся вагоне был таким же естественным, как удержание огненного щита под перекрестным обстрелом.

Алиса смотрела на него уже полчаса, но не видела ни лица своего парня, ни разметавшихся по подушке темных волос, ни дорогого серебряного перстня-печатки на мизинце правой руки. Она смотрела сквозь него. Ее взгляд был прикован к тонкой, почти невидимой нити изумрудного света, которая тянулась от его солнечного сплетения куда-то вверх, пробивая потолок вагона и уходя сквозь стальную обшивку крыши прямо в ночное небо.

Это была нить будущего. И сейчас она мелко вибрировала.

Дар Алисы никогда не спрашивал разрешения. Он просто жил в ее коже, в кончиках пальцев, превращая каждое случайное касание в пытку чужими жизнями. Ей было пять лет, когда она впервые дотронулась до маминой ладони и увидела мокрый асфальт, осколки разбитой фары старого отцовского седана и цифру на больничном мониторе: ноль-ноль. С тех пор она научилась носить перчатки из тончайшей кожи ламы даже летом, научилась держать дистанцию вытянутой руки, научилась улыбаться так, чтобы никто не захотел ее обнять.

Но Грея ей приходилось трогать постоянно. Иначе их новая жизнь, ради которой они оба бросили столицу Империи, закончилась бы, не начавшись. Каждый поцелуй для нее начинался со вспышки чужих грехов. В первый раз, когда он коснулся ее губ, Алиса задохнулась не от страсти, а от видения: семнадцатилетний мальчишка, которым тогда был Грей, стоит над телом пьяного ремесленника в грязной подворотне Нижнего Квартала. Пальцы Грея еще дымятся остатками боевой руны, а в глазах нет ничего, кроме холодного удовлетворения. Тот ремесленник посмел оскорбить сестру Грея. Убийство сошло ему с рук благодаря связям отца-магистра, но Алиса знала правду.

Она приняла эту правду. Приняла всего его секреты — мелкие кражи в академической столовой, трусость перед первым настоящим боем, ту постыдную ночь с дочерью ректора, после которой его перевели на элитный факультет. Она любила не того безупречного героя, которого видели все остальные, а этого сложного, сломанного и отчаянно пытающегося стать лучше человека.

Но иногда любить означало бояться.

Изумрудная нить над головой Грея дернулась сильнее. На ней проступил узелок — предвестник резкого поворота судьбы. До узла оставалось около трех часов пути. А сразу за ним... Алиса прищурилась, фокусируя внутреннее зрение. Тьма. Плотная, клубящаяся чернота, поглотившая весь дальнейший путь нити. Будущее Грея через три часа тонуло во мраке, который ее дар отказывался прояснять. Это случалось лишь дважды в жизни: накануне смерти дедушки и в утро покушения на наместника Северной провинции, свидетелем которого она случайно стала в порту.

— Перестань жечь меня взглядом, Лисенок, — не открывая глаз, хрипло произнес Грей. — Я чувствую, как ты сканируешь мою ауру. От этого у меня сохнет левое веко.

Алиса вздрогнула, вываливаясь из транса. Изумрудная нить погасла, оставив после себя фантомное пятно на сетчатке. — Тебе показалось, — она натянуто улыбнулась и поправила

высокий воротник своего дорожного платья. — Просто проверяю защитные чары на багаже. Говорят, между Столицей и Северными пустошами участились нападения мародеров.

Грей наконец открыл глаза. Они были цвета штормового моря — серые, прозрачные, способные мгновенно сменить человеческую радужку на вертикальный звериный зрачок. Сейчас они смотрели на нее с ленивым весельем. — Мародеры? На линии первого класса «Авроры»? Лис, здесь охрана круче, чем в сокровищнице Императора. Если кто-то попытается вскрыть дверь нашего купе, я узнаю об этом по запаху паленого мяса еще в коридоре. Расслабься. Мы едем начинать новую жизнь. Академия Семи Шпилей, лучший менторский состав континента, нулевой уровень преступности в кампусе. Ты сама выбрала это место, потому что там люди носят столько защитных амулетов, что твои... особенности останутся незамеченными.

Он потянулся к ней, намереваясь привлечь к себе. Алиса инстинктивно отшатнулась к ледяной стенке вагона, упершись лопатками в обитый бархатом поручень. Движение было слишком резким. Рукав ее платья задрался, обнажая запястье.

И мир исчез.

Прикосновение произошло быстрее, чем она успела среагировать. Кончики пальцев Грея мазнули по ее голой коже чуть выше перчатки.

Ток ударил в позвоночник, скрутив внутренности ледяным узлом. Воздух купе уплотнился, запах озона и старой ткани сменился вонью гниющего дерева, дешевого табака и застарелого мужского пота. Полка под ними превратилась в шаткий стул. Стена вагона — в облупившуюся краску дешевого номера третьесортной гостиницы «Медный грош».

Она стояла посреди комнаты, опираясь руками на колченогий стол. Напротив сидел совершенно другой человек. Не Грей. Мужчина лет сорока, с тяжелым, асимметричным лицом, покрытым сеткой лопнувших сосудов. Сизый нос алкоголика. Кривой шрам, пересекающий левую бровь. Глаза маленькие, черные, блестящие, как бусины мертвой птицы.

На столе между ними лежали бумаги с гербовой печатью Академии Семи Шпилей. Личное дело студента. Фотография красивой девушки с волосами цвета расплавленного золота и огромными испуганными глазами. Подпись под фото гласила: *«Кандидат. Элисара Вейн. Специализация: эмпат-эфемерист (прогностический тип). Уровень дара: Экзекутус-Омега»*.

Мужчина медленно взял со стола тяжелый бронзовый нож для разрезания бумаг. Повертел его в пальцах, примериваясь к весу. — Значит, Омега, — голос у него был скрипучим, словно несмазанная петля. — Девочка, которая видит то, чего видеть не должна. Которая знает, где мы ошибемся, еще до того, как мы сделаем первый шаг. Очень неудобно. Для нас. Но мой заказчик платит золотом именно за неудобства. Особенно за те, которые нельзя предусмотреть.

Он встал. Комната качнулась вместе с ним — видение всегда транслировало физические ощущения тела-носителя. Алиса почувствовала, как немеют ноги от страха настоящего владельца этой памяти. Кто бы это ни был, он ждал удара ножом. Ждал покорно.

— Знаешь, почему провидцы долго не живут? — мужчина сделал шаг вперед. Бронза тускло блеснула в свете одинокой газовой лампы. — Потому что будущее ненавидит, когда в него подглядывают. Оно ревниво. Стоит тебе увидеть одну ошибку, которую можно исправить, как Судьба тут же подбрасывает тебе десяток новых, похуже. Чтобы уравновесить чашу. А если ты увидишь главную тайну нужного мне человека... — лезвие ножа оказалось в дюйме от ее, вернее, чужой шеи, — ...тогда равновесие рухнет. И рикошетом убьет тебя первой. Такова цена чистого знания, девочка. Прикоснись к нему — и сгоришь.

Нож вошел в плоть. Боль была физической, ослепляющей, разрывающей гортань. Металлический привкус крови наполнил рот. Мир сузился до черной точки, а затем взорвался белым светом.

...Ледяная стена вагона обожгла спину. Алиса сидела на полу купе, тяжело дыша. Сердце билось где-то в горле, мешая глотнуть воздуха. По подбородку текла кровь — прокушенный язык. Во рту стоял вкус ржавчины и дешевого гостиничного табака.

Грей уже стоял над ней. Никакой паники в его движениях — только отработанная четкость боевика. Одно движение пальцами, короткое слово на мертвом языке стихий, и рана во рту начала стремительно затягиваться, оставляя лишь саднящее чувство. — Что случилось? Обморок? Давление? Почему ты сняла перчатку?

— Там... в конце вагона, — выдохнула Алиса, цепляясь за его рукав. Ткань формы курсанта Высшей Боевой Лиги была жесткой. Реальной. — Человек. Сизый нос. Шрам через бровь. Он ждет нас. В Академии. Ему нужна я.

Грей замер. Его рука, державшая ее плечо, окаменела. На долю секунды его зрачки снова стали вертикальными, а вокруг фигуры едва заметно замерцал воздух, сгущаясь в контур защитного купола. Затем он расслабился, возвращая лицу привычное спокойное выражение. Но Алиса, знавшая каждый его жест, заметила главное: его пальцы дрогнули.

— Сизый Нос? — переспросил он ровно. — В третьем классе едет пара торговцев тканями с севера. Один действительно похож на твой портрет. Обычные контрабандисты. Ничего магического. Ты просто перенервничала из-за переезда.

Он лгал. Идеально, профессионально, глядя ей прямо в глаза. Защитный купол вокруг него говорил красноречивее любых слов — он активировал базовое плетение «Мираж», отводящее глаза наблюдателям низкого уровня. Сизый Нос существовал. И Грей знал о нем больше, чем показывал.

Значит, знание сизоносого мужчины из видения касалось не только Алисы. Оно касалось самого Грея.

— Мне нужно пройтись, — сказала она, поднимаясь на дрожащих ногах и стараясь не смотреть на изумрудную нить над головой парня. Теперь та пульсировала вдвое чаще. Узел приближался. — Голова кружится. Я дойду до ресторана, возьму воды.

— Я пойду с тобой.

— Нет! — вырвалось у нее слишком резко. — То есть... пожалуйста. Останься. Проверь наши артефакты в саквояже. Если тот человек поймет, что ты рядом, он уйдет. А мне нужно... мне нужно посмотреть на него вблизи. Понять, кого он ждет.

Логика была безупречной. Именно поэтому Грей нахмурился, но кивнул. Боевой маг внутри него требовал защитить объект любой ценой, но разум шептал, что открытое противостояние в переполненном экспрессе привлечет внимание транспортной полиции Инквизиции. — Хорошо. Десять минут, Лис. Через десять минут я выламываю дверь ресторанного вагона.

Как только тяжелая дверь купе закрылась за ним, отрезая спасительное тепло его присутствия, Алиса прислонилась пылающим лбом к холодному стеклу окна. За окном пролетала ночная равнина Мертвых Топей — черная вода, остовы мертвых деревьев и зеленоватое свечение болотных газов. Красота, от которой веяло могильным холодом.

Ее трясло. Дар снова показал зубки. Раньше он ограничивался прошлым и ближайшим будущим — секунд на тридцать вперед, максимум на пару дней, если речь шла о важных решениях. Но этот сизоносый... он принес с собой ощущение абсолютной, всепоглощающей угрозы. «Равновесие рухнет. И рикошетом убьет тебя первой».

Она посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, идеальные ногти. Оружие, которое она не могла применить. Как защищаться от того, чьи преступления ты видишь, но чья сила превосходит твою многократно? Как убедить боевого мага пятого ранга, что его тщательно выстроенная ложь разваливается на куски?

Алиса глубоко вдохнула, пытаясь унять тошноту, сделала несколько шагов по ковровой дорожке коридора и толкнула тяжелую дверь в вагон-ресторан.

Просторное помещение с панорамными окнами было залито мягким янтарным светом хрустальных люстр. Тихая музыка струнного квартета смешивалась с приглушенным гулом голосов, звоном фарфора и шипением вина, открываемого сомелье. Золотая молодежь Империи праздновала начало учебного года. Шелка, бриллианты, смех, лишенный всяких забот. Никто из них не знал, сколько грязи скрывается за идеальным фасадом их соседей по столику.

Для Алисы этот вагон выглядел как анатомический театр. Каждое рукопожатие, каждый обмен визитками оставляли в воздухе призрачные следы. Вот престарелый барон касается локтя юной дебютантки: след вспыхивает болезненно-желтым — шантаж, разорение семьи девочки год назад. Вот смеющийся банкир хлопает по плечу молодого офицера: багровый всплеск — подпись под приказом о расстреле невинных ради земельной аферы. Весь мир состоял из переплетающихся нитей вины, похоти, жадности и страха.

Обычно она умела фильтровать этот шум, сжимая сознание в игольное ушко. Но сегодня фильтры сбились. После видения в купе любая сильная эмоция била по нервам, как молот.

Она нашла свободный столик у самого окна, заказала у бесшумного официанта стакан ледяной воды и заставила себя снять правую перчатку, спрятав левую в складках юбки. Ей нужен был контроль. Нужно было заземлиться.

Официант поставил перед ней бокал. Их пальцы соприкоснулись.

Мальчик. Лет шестнадцати. Сирота. Третий сын посудомойки из южного порта. Он носит фальшивую улыбку, потому что хозяин заведения бьет его медной пепельницей за пролитую воду. Дома его ждет младшая сестра с прогрессирующим поражением легких, лекарства стоят дороже, чем мальчик зарабатывает за месяц. Сегодня ночью, пока экспресс будет стоять на станции «Разлом», мальчик спустится в технический отсек и украдет из сейфа начальника поезда два империала. Его поймают. Завтра утром его вышвырнут на ходу в снег без документов. Через неделю он замерзнет насмерть в сугробе, прижимая к груди деревянную игрушку сестры.

Алиса зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли белые пятна. Вода в стакане пошла мелкой рябью. *Не бери*, мысленно взмолилась она, вкладывая в импульс всю силу своего дара, хотя знала, что телепатией не владеет. *Пожалуйста, выброси эти деньги в сортир. Умоляю.*

Мальчик моргнул, растерянно глядя на ее сцепленные в замок руки. На секунду его лицо исказилось странной смесью жалости и недоумения, будто он услышал далекий крик. Затем он встряхнул головой, списав все на усталость, и пошел дальше разносить заказы. Но крабовую тарталетку своему другу на кухне он сегодня не принесет. Деньги останутся в его кармане. Алиса изменила одно крошечное событие, и теперь судьба мальчика переписывалась в реальном времени. Возможно, его не поймают. Возможно, поймав, просто избыют. Или он попадет в рабство к поездным механикам. Баланс всегда находил способ забрать свою цену.

От напряжения заломило виски. Она открыла глаза и обвела зал рассеянным взглядом, ища угрозу. И нашла ее.

Сизый Нос сидел через три столика от нее. Он больше не притворялся торговцем. Дорогой сюртук исчез, сменившись практичной кожаной курткой наемника. Рядом с ним, спиной к Алисе, расположился второй — квадратный, монолитный человек без шеи, с руками размером с небольшую лопату. Телохранитель.

Они не ели. Перед Сизым Носом стоял нетронутый чай. Он смотрел прямо на Алису.

Вокруг него не было цветных нитей обычных людей. Его аура была выжжена дочерна. Сплошное нефтяное пятно, поглощающее свет ламп. Профессиональный ликвидатор. Человек, совершающий зло настолько часто, что оно перестало оставлять на нем отпечатки — грязь просто стала его частью. Такие люди были слепыми пятнами для ее дара. Она не могла прочитывать его прошлое, не рискуя сойти с ума. Могла лишь чувствовать исходящую от него энтропию.

Их разделяло метров двадцать плотной толпы. Сизый Нос едва заметно улыбнулся уголком рта и поднял чашку с чаем, салютуя ей.

Паника сжала горло ледяной рукой. Алиса схватила свой стакан, плеснула остатки воды в лицо, пытаясь прийти в себя, и поднялась. Нужно бежать. Найти Грея. Запереться в купе.

Она сделала шаг назад, зацепившись каблуком за ножку стула. Стул пошатнулся, начал падать, увлекая за собой скатерть соседнего столика. Раздался звон бьющегося стекла, женский визг.

Толпа пришла в движение. Люди засуетились, отступая от места падения, создавая давку. Сизый Нос и его спутник остались сидеть неподвижно, островком спокойствия в океане хаоса. План Алисы провалился: вместо того чтобы расчистить путь к выходу, она создала затор.

— Осторожнее, сударыня! — Сумасшедшая! — Вызовите распорядителя!

Чья-то сильная рука грубо схватила ее за локоть, разворачивая. — Вы целы? Порезались? — спросил приятный баритон.

Алиса подняла взгляд. Высокий мужчина в форме капитана транспортного корпуса. Орлиный профиль, идеально уложенные седые волосы, орденская планка на груди. Лицо аристократа старой школы. Типаж, которому хочется доверять. Он галантно поддерживал ее под спину, не давая упасть на осколки.

Его кожа коснулась рукава ее платья.

Мир перевернулся.

Янтарный свет ресторана померк. Музыка стихла. Исчез запах духов, сигар и дорогой еды. Остался лишь стерильный озон, вой сирен гражданской обороны и невыносимый жар, от которого трескалась эмаль на зубах.

Она стояла на смотровой площадке самой высокой башни Академии Семи Шпилей. Впереди, насколько хватало глаз, простирались Северные пустоши. Но они не были черными и мертвыми, как сейчас за окном поезда. Они пылали. Багровое небо застилали грибы ядерных взрывов. Земля кипела.

Прямо перед ней, у края площадки, спиной к Алисе стоял этот самый капитан. Только форма на нем была не транспортной службы, а генеральская, цвета запекшейся крови — парадный мундир Верховного Командования Южной Кампании. Война, закончившаяся сорок лет назад массовым применением запрещенной магии Скверны.

Рядом с ним, вцепившись в его руку побелевшими пальцами, стояла женщина в вечернем платье. Лицо женщины закрывала густая вуаль, но Алиса знала, кто это. Это была она сама. Старая, изможденная, с абсолютно белыми волосами. Седая в тридцать лет.

Генерал-себя-из-будущего повернул голову. Его глаза были абсолютно пусты. В них отражалось зарево уничтожаемого мира. — Видишь? — сказал он голосом, полным бесконечной усталости. — Все зря. Ты пыталась спасти одного мальчика в поезде. Спасла. Зато завтра на этой башне ты скажешь мне «да». согласишься выйти замуж. Твоя любовь ко мне даст мне силы пережить завтрашнюю битву в Разломе. Моя благодарность Императору сделает меня самым молодым Верховным Магистром в истории. А через десять лет я подпишу приказ о применении Печати Раскола. Ради великой цели. Ради спасения Империи от сепаратистов. Миллионы сгорят заживо, чтобы миллионы других жили. И ты будешь стоять рядом. Чистая. Неприкосновенная. Мой личный оракул, моя совесть, которая будет молчать, потому что любит меня. Посмотри на нас, Алиса. Посмотри, какую цену мы заплатили за свое счастье.

Седая девушка в видении медленно подняла вуаль. Нижняя половина ее лица представляла собой сплошной глянцевый ожог, сплавленную массу из розовой рубцовой ткани и металлических имплантатов лицевых костей. Левый глаз вытек, замененный тусклым стеклянным протезом. — Мы счастливы, — прошептала она обожженными губами. — Мы живы.

Жар стал невыносимым. Запах горелого мяса ударил в ноздри. Алиса закричала, отталкивая от себя капитана.

Она упала на колени прямо среди осколков бокалов в ресторане экспресса. Настоящий, холодный воздух обжег легкие. Капитан ошарашенно смотрел на нее сверху вниз. — Девочка, да у вас шок...

— Не трогайте меня! — прохрипела она, отползая назад на четвереньках. Ее ладони кровоточили от порезов стеклом. — Оставьте меня!

Сизый Нос поднялся из-за стола. Медленно, неотвратно, как поднимаются осадные башни к стенам крепости. Толпа внезапно оказалась далеко. Между ними образовалось пустое пространство. Люди вдруг потеряли интерес к упавшей девушке и разбившимся стаканам. Словно кто-то нажал кнопку беззвучия.

Телохранитель-квадратный остался сидеть, но положил огромные ладони на стол. Готовность номер один.

— Стоять, — раздался рык из-за спины Алисы.

Воздух в ресторане загустел, став плотным, как вода. Температура упала на десять градусов. На хромированных деталях бара выступил иней.

Грей стоял в проходе, широко расставив ноги. Его курсантский мундир был расстегнут. Правая рука вытянута вперед, пальцы сложены в сложную фигуру печатей. Вокруг его сжатого кулака вращался с низким гудением шар нестабильной плазмы величиной с детскую голову. Это была не учебная демонстрация. Это была готовность убить всех присутствующих одним щелчком пальцев. Серые глаза потемнели до цвета грозового неба. Вертикальные зрачки расширились, заполнив почти всю радужку.

— Еще шаг, мудака, — тихо, перекрывая музыку, произнес Грей, — и твоя голова испарится раньше, чем тело поймет, что умерло. Назад. К стене. Руки на виду.

Сизый Нос остановился. Впервые за все время на его лице отразилось нечто похожее на удивление. Он посмотрел на пульсирующий сгусток огня, потом на Грея, оценивающе прищурился и медленно, демонстрируя отсутствие оружия, развел руки в стороны. Затем плавно опустил обратно на свой стул.

— Боевой маг пятого ранга, — констатировал Сизый Нос своим скрипучим голосом. — Выпускник Лиги. Специализация — антимагическое подавление. Приятно встретить профессионала, парень. Опустит игрушку. Я пришел не за твоей жизнью.

— Ты уйдешь вообще, — процедил Грей. Его плечи дрожали от колоссального напряжения — удерживать такую концентрацию чистой энергии в замкнутом пространстве движущегося поезда было физически больно. — Или выйдешь на следующей станции в одних подштанниках. Выбирай.

— На следующей станции меня встретит патруль Инквизиции, — Сизый Нос пожал плечами. — У меня контракт, юноша. Невыполнение влечет за собой неустойку, превышающую стоимость моей шкуры. Я подожду. Экспресс идет до Академии еще шесть часов. Рано или поздно твоя подружка выйдет из-под защиты твоего брюха. Например, в уборную. Или решит полюбоваться звездами в тамбуре последнего вагона. Она ведь такая любопытная. Видит слишком много.

Удар попал точно в цель. Плечи Грея напряглись еще сильнее. Он понял намек. Сизый Нос знал о даре Алисы.

— Последнее предупреждение, — прошипел Грей.

— Как пожелаешь, — Сизый Нос откинулся на спинку стула и демонстративно сложил руки на животе. — Я никуда не тороплюсь. Чай здесь отвратительный, зато виды из окна прекрасные. А знаешь, что самое забавное, маг? Когда ты тянешь энергию из эфира для своей игрушки, система безопасности экспресса фиксирует аномалию. Три минуты такого спектакля, и сюда ворвутся боевые инквизиторы. Начнут проверять документы. У очень многих пассажиров в этом вагоне найдутся причины не встречаться с людьми в красных плащах. Начнется бойня. Прямо здесь. Кровь, кишки, плавящийся пластик. Много ненужных смертей. Хочешь

взять на душу сотню трупов гражданских ради одной девчонки, которая все равно принадлежит моему заказчику? Просто по закону, а не по частям. Контракт предусматривает доставку. Живой или по частям — вопрос цены и эстетики.

Алиса, стоявшая на коленях, собрала волю в кулак. Горло все еще драло от крика в видении. Руки болели. Но страх отошел на второй план, уступив место холодной, звенящей ясности.

Видение будущего на башне было правдой. Не буквальной — она не станет седой калек именно от брака с этим конкретным человеком. Но суть оставалась сутью. Ее дар — это рычаг. Любое вмешательство порождает противодействие. Попытка избежать маленькой трагедии создает катастрофу.

Она посмотрела на изумрудную нить над головой Грея. Узел развязался. Время выбора наступило прямо сейчас. Нить вела прочь отсюда, мимо Сизого Носа, вдоль стены, к двери служебного перехода, ведущей в технические вагоны. Там темно. Там тесно. Там безопасно для окружающих. Но если она пойдет туда одна, уведя угрозу за собой...

Баланс должен быть соблюден.

Алиса медленно, не делая резких движений, поднялась на ноги. Осколки впились в подошвы туфель. Кровь капала на белоснежную скатерть.

— Грей, — позвала она. Голос звучал удивительно твердо. — Отпусти заклинание. Прямо сейчас.

— Лис, не дури, — он даже не обернулся, боясь выпустить Сизого Носа из поля зрения. — Я контролирую ситуацию.

— Ты контролируешь кусок плазмы, который прожжет корпус вагона, если ты потеряешь сознание от перегрузки, — ответила она, делая маленький шаг в сторону от мужа, выходя из-за его широкой спины. — Эти люди погибнут из-за меня. Опустит руку.

Она встретила взглядом с Сизым Носом. Черные бусинки глаз изучали ее без всякого интереса, как мясник изучает тушу.

— Ваш заказчик хочет знать мое будущее? — громко спросила Алиса, обращаясь к киллеру, но глядя поверх его головы. Пусть слышит весь вагон. Пусть слова станут фактом реальности, который нельзя переиграть. — Передайте ему. Я знаю, что он делает. Я вижу узлы. И я выбираю не вмешиваться. Я буду учиться в Академии. Я буду делать все, что скажет наставник. Я стану идеальной студенткой. Но если хоть один волос упадет с головы моих близких из-за ваших игр... — она позволила легчайшему оттенку своей силы просочиться в голос, окрасив слова морозным серебром, — я перестану сдерживать свой дар. Я найду заказчика. И покажу ему такое дно его собственной души, после которого демоны Бездны покажутся ему желанными собеседниками.

Сизый Нос моргнул. Впервые за встречу в его ауре мелькнул отголосок эмоции — подобие уважения. Он явно ожидал слез, истерики или попыток прятаться за спину боевого мага.

— Заказчик будет доволен, — проскрипел он. — Девочка понимает правила игры. Пока играешь по правилам, Равновесие милостиво.

Грей медленно разжал пальцы. Шар плазмы с громким хлопком втянулся обратно в ладонь, опалив кожу перчатки. Пот ручьями тек по его лицу. Он потратил чудовищное количество сил.

— Уходим, — бросил он Алисе, хватая ее за здоровую руку. — Немедленно.

Он потащил ее сквозь разом зашумевшую, приходящую в себя толпу. Никто не понимал, что произошло. Для большинства гостей это выглядело как внезапный приступ мигрени и странная ссора молодой пары. Социальный иммунитет золотой молодежи работал безотказно.

Только когда тяжелая дверь их купе закрылась, отрезая их от посторонних, Алиса позволила ногам подогнуться. Грей буквально швырнул ее на нижнюю полку, упал следом и заблокировал дверь изнутри сложным тройным замком.

Несколько минут они молчали, тяжело дыша. Грей стаскивал с нее туфли, доставал походную аптечку, обрабатывал порезы на ее ступнях антисептиком. Его руки слегка дрожали.

— Какого дьявола, Лис? — наконец выдохнул он, бинтуя ее ногу быстрыми, профессиональными движениями. — Зачем ты велела мне опустить щит? Он бы не выстрелил. Кишка тонка против магистра Лиги в замкнутом пространстве. А инквизиторы... черт с ними, отобьемся!

— Нас исключили бы, — глухо сказала Алиса, глядя в потолок. — Твое нападение на пассажира. Мой несанкционированный выплеск эмпатии. Нам аннулировали бы приглашение в Академию еще до приезда. Мы бы вернулись в Столицу. К моим родителям, которые мечтают сдать меня в закрытую психиатрическую лечебницу Ордена Чистоты. К твоему отцу, который считает, что ты женился ниже своего достоинства. Сизый Нос победил бы, просто дождавшись нашей глупости.

— К черту родителей! К черту Академию! — Грей приподнялся на локте, нависая над ней. Его глаза снова опасно темнели, но теперь в них был не боевой транс, а животный страх потерять ее. — Я могу заработать нам на жизнь где угодно. Зачем тебе эта клетка из семи шпилей? Зачем тебе эти снобы-профессора?

Затем, что в видении на башне она стояла в форме студентки Академии. И именно диплом этой Академии давал будущему кровавому магистру статус неприкосновенности. Потому что если она не получит этот диплом, возможно, будущий Верховный Магистр никогда не решится нажать на кнопку. Баланс всегда требует жертв. Иногда жертва — это ходить по коридорам с убийцей за углом.

— Потому что там мой дар станет инструментом, а не проклятием, — солгала она, поворачиваясь к нему и обнимая за шею здоровой рукой. — Потому что я устала бегать. И потому что ты обещал быть рядом.

Она прижалась лбом к его груди, слушая бешеный стук сердца. Над его головой изумрудная нить будущего снова стала гладкой. Угроза Сизого Носа миновала. Ближайшие три часа им ничего не грозит.

Но впереди, в самом конце изумрудной нити, там, где дорога ныряла в земли Северного Разлома, черная пелена пророческой слепоты никуда не делась. Она ждала. Огромная, зияющая, полная грядущих ошибок, которые невозможно предотвратить, не разрушив саму ткань реальности.

— Я здесь, — глухо ответил Грей, целуя ее в макушку. — Я всегда буду здесь. Спи, Лисенок. Дорога долгая.

За окном проплывали редкие огоньки заброшенных факторий. Экспресс «Аврора» набирал скорость, унося их прямоком в Академию Семи Шпилей. Прочь от одного профессионального убийцы. Навстречу тысячам чужих секретов, будущих катастроф и той цене, которую придется заплатить за попытку сделать мир правильным. Алиса закрыла глаза, зная, что не уснет. Сон — это маленькая смерть, а она слишком хорошо понимала, что настоящие кошмары ждут ее наяву, стоило лишь кому-нибудь протянуть ей руку для приветствия.

Глава 2. Академия Семи Шпилей

Экспресс «Аврора» умер без агонии. Просто монотонный гул маго-рельсов, тянувшийся шесть часов сквозь предрассветный туман Мертвых Топей, оборвался на полуслове. Тяжелые поршни пневматических тормозов выдохнули в морозный воздух клубы пара, и многотонная машина замерла с величавой плавностью хищника, припавшего к земле перед прыжком.

Алиса стояла у окна их купе, прижимая ладонь к ледяному стеклу. Грей еще спал, свернувшись клубком под тяжелым казенным одеялом — высадка пассажиров первого класса была назначена через час, и он предпочел потратить остатки ночи на восстановление сил после вчерашнего инцидента в ресторане. Его лицо во сне было расслабленным, почти мальчишеским, но Алиса знала: стоит двери щелкнуть замком, как боевой маг пятого ранга превратится в сжатую пружину.

Она же спать не могла. После встречи с Сизым Носом ее внутренний компас сбоил. Черная пелена будущего над головой Грея никуда не делась, она просто отодвинулась дальше по временной линии, нависая теперь над самим Разломом. Но здесь, в медленно оседающем гуле остывающих двигателей, появилось нечто новое. Статичное напряжение. Ощущение взгляда в спину, которое не принадлежало ни одному живому человеку за окном.

— Стоим? — хрипло спросил Грей, не открывая глаз. — Прибыли, — тихо ответила Алиса. — Конечная станция.

Дверь отъехала в сторону с тихим шипением. На пороге стоял проводник в безупречной ливрее имперских железных дорог. Лицо его было абсолютно лишено эмоций, словно восковая маска. — Доброе утро, господа Вейн. Мы прибыли на станцию «Шпиль». Температура снаружи минус двенадцать градусов. Просьба не покидать вагон до объявления вашего номера. Ваш багаж будет доставлен службой академии прямо в ваши покои.

Он положил на столик два плотных конверта из серого картона. Ни надписей, ни печатей. Только тисненый серебром символ: семь острых башен, скрещенных вокруг раскрытого глаза.

Спустя сорок минут они спустились по выдвижной лестнице на перрон.

Воздух ударил по легким, как молот. Это был не обычный холод ранней северной весны. Здесь пахло озоном, жженой медью и чем-то сладковато-гнилостным, похожим на запах цветов, слишком долго простоявших в стоячей воде. Дыхание вырывалось изо рта густыми белыми облачками и мгновенно замерзало, осыпаясь на плечи крошкой инея.

Станции в привычном понимании слова не было. Был лишь гигантский каменный колодец, вырубленный прямо в теле базальтовой скалы. Экспресс остановился внутри огромной пещеры, своды которой терялись во мраке высоко над головой. Единственным источником света служила сама колея — рельсы пульсировали тусклым багровым светом, уходя в черную пасть тоннеля, из которого они только что выехали.

Вокруг царила оглушающая тишина. Из поезда вышло около тридцати человек — весь первый класс. Дети самых влиятельных родов Империи, наследники состояний, будущие архимаги. Они кутались в меха, прятали лица в воротники, но никто не разговаривал. Не было смеха, суеты носильщиков, криков встречающих. Люди просто стояли на платформе, сбиваясь в небольшие группы, и молча смотрели вверх.

Алиса подняла голову вслед за ними.

Над краем скального колодца начиналась Академия Семи Шпилей.

Слова гравюр и рекламных проспектов лгали. Академия не парила в облаках. Она *нависала*. Семь титанических игл из черного обсидиана и неизвестного металла, который поглощал даже слабый свет полярного утра, вонзались в свинцовое небо. Каждая башня была шириной в добрую сотню метров у основания и сужалась к вершине в невозможную, режущую глаз иглу. Между шпилями были перекинута арки из витого стекла, напоминающие паутину безум-

ного бога. По этим нитям текли реки жидкого синего огня — магистральный эфир, питающий сердце континента.

Но пугала не архитектура. Пугала геометрия пространства. Чем дальше Алиса смотрела на башни, тем сильнее кружилась голова. Шпилям полагалось стоять параллельно друг другу или сходиться к центру. Эти же здания... дышали. Угол наклона одной башни плавно менялся, пока она смотрела, отклоняясь на пару градусов, прежде чем вернуться в исходное положение. Другая башня то становилась ближе, то отдалялась, хотя ноги Алисы прочно стояли на граните платформы. Пространство вокруг Академии было сшито грубыми стежками, и ткань реальности постоянно пыталась разойтись по швам.

— Говорят, фундамент заливают кровью преступников, чтобы камни держали форму, — раздался рядом тихий голос.

Грей вздрогнул и инстинктивно шагнул вперед, заслоняя Алису собой. Рядом стоял парень примерно их возраста. Высокий, болезненно худой, с копной ярко-рыжих волос, торчащих во все стороны, будто его только что ударило током. Он улыбался широко и дружелюбно, но глаза оставались совершенно пустыми, цвета старой меди. — Я Рори, — представился он, протягивая руку. — Факультет Артефакторики. Специализация — пространственные аномалии. Поэтому я вижу, как дрожит этот карман реальности. Забавно, правда?

Его рука повисла в воздухе. Студенты элитных школ столицы привыкли пожимать руки осторожно, едва касаясь кончиками пальцев. Рори ждал настоящего рукопожатия.

Грей смерил его взглядом сверху вниз, проигнорировав жест, и сухо кивнул: — Грей. Боевая магия. Держи дистанцию, артефактор.

Рори ничуть не обиделся. Он лишь пожал плечами и убрал руку в карман потертой кожаной куртки, которая явно видела лучшие дни. — Зря ты так. Пространственная магия убивает быстрее твоей плазмы. Просто тише. Никаких спецэффектов. Человек просто делает шаг и оказывается размазанным между двумя измерениями. Кстати, насчет запаха...

— Белых роз, — закончила за него Алиса, выглядывая из-за плеча Грея.

Она наконец поняла, что именно тревожило ее обоняние. Сладкий, тяжелый аромат тропических белых роз смешивался с запахом озона. Цветы росли прямо из трещин в базальте платформы. Огромные бутоны размером с человеческую голову пробивались сквозь черный камень, игнорируя вечную мерзлоту. Их лепестки слегка флуоресцировали в полумраке.

— Ага, — просиял Рори. — Розарий Безмолвия. Местная достопримечательность. Поговаривают, это не совсем цветы. Вернее, когда-то они ими были. Теперь это фильтры. Они перерабатывают излишки эха чужих мыслей. В академии полно ментатов-телепатов уровня Омега. Если бы розы не впитывали фоновый шум, мы бы уже давно сошли с ума, слушая, как первокурсники пытаются сдать экзамен по левитации стакана. Представляете, сотни голосов одновременно кричат: *«Лети! Лети, дрянь такая!»*

К ним подошел давешний проводник. Его появление было бесшумным, он просто возник из клубов пара. — Группа четыре. Следуйте за синим огоньком.

Из трещины в полу вырвался маленький шарик холодного голубого света и поплыл в сторону стены. Студенты, очнувшись от оцепенения, начали подтягиваться следом. Никто не смел отставать.

Путь лежал сквозь стену. Буквально. Голубой огонек нырнул в монолитный базальт, и студенты один за другим последовали за ним. Алиса почувствовала, как напрягся Грей позади нее — проходить сквозь твердую материю считалось высшей ступенью мастерства, доступной далеко не каждому магистру.

— Расслабьте диафрагму, — посоветовал идущий впереди Рори. — И задержите дыхание. Будет щекотно.

Алиса шагнула в камень. Это оказалось похоже на погружение в ледяную воду, состоящую из толченого стекла. Миллиарды микроскопических частиц пронизали тело насквозь,

сканируя каждую клетку, каждый нерв, заглядывая под кожу и считывая структуру костей. Боль длилась долю секунды, сменившись чувством абсолютной невесомости, а затем они вышли с другой стороны.

Они оказались в Гранд-Атриуме.

Здесь не было неба. Потолок представлял собой идеальный купол из звездного камня, показывающий реальное ночное небо внешнего мира — сейчас оно было затянуто низкими тучами, предвещавшими снегопад. Пол был выложен мозаикой, изображающей точную карту Континента, где вместо городов мерцали живые руны.

Но центром всего был Зал Наказаний. Прямо посреди огромного холла, поддерживая невидимый свод, возвышалась восьмая колонна. Она не была сделана из камня. Это был столб спящего белого пламени высотой в пять этажей, неподвижный, беззвучный и невыносимо холодный. От него веяло такой мощью, что зубы ломило, как от удара молнии.

Студенты обходили пламя по широкой дуге, стараясь даже случайно не пересечь траекторию тени, которую отбрасывал столб. Хотя сам столб света теней не отбрасывал. — Столп Вечности, — благоговейно прошептал кто-то слева. — Древний дух-хранитель Академии. Тот, кого поймали на плагиате курсовой работы, отправляется туда на сутки. Возвращаются обычно молчаливыми. Или не возвращаются вовсе.

Рыжий Рори обернулся, сияя: — Мой дядя провел там три дня. Вышел просветленным. Правда, забывает собственное имя при стрессе и иногда начинает разговаривать задом наперед. Эй, новенькие! Глаза подобрали с пола, строимся!

Появились распорядители. Двое мужчин и женщина. Все трое носили одинаковые черные мантии с высокими воротниками, полностью скрывающими шею и нижнюю часть лица. Были видны только глаза — абсолютно белые, без зрачков и радужки. Окуляры Провидцев.

— Первокурсники, — голос женщины-распорядителя звучал сразу везде, отражаясь от стен и проникая прямо в кости. — Приветствую вас в Альма-матер. То, что осталось позади, — ваша прошлая жизнь. Титул, золото родителей, связи при дворе. Здесь имеет значение только одно. Ваша полезность Равновесию.

Она сделала пасс рукой. Сотня картонных конвертов, которые вручили студентам на перроне, сорвались с места и закружились в воздухе, выстраиваясь в алфавитном порядке. — Сейчас вы получите распределение. Ваши комнаты, наставников и расписание. Запоминайте накрепко. Опоздание на первую лекцию карается общественными работами в анатомическом театре.

Ее белые глаза остановились на Алисе. Взгляд физически ощущался как прикосновение холодной сухой ладони ко лбу. — Элисара Вейн. Эмпат-эфемерист.

Конверт с глухим стуком упал прямо ей в руки. Конверты остальных студентов продолжали висеть в воздухе, ожидая владельцев. — Ты идешь со мной, — сказала распорядительница. Ее голос изменился, потеряв эффект громкоговорителя. Теперь он звучал тихо, персонально, только для Алисы. — Верховный Магистр желает взглянуть на твой дар лично. Оставь своего... спутника. Ему найдут компанию.

Алиса крепче сжала пальцы на предплечье Грея. Она чувствовала, как мгновенно окаменели мышцы боевого мага. Над его головой изумрудная нить натянулась до звона. Любое насильственное разделение сейчас привело бы к взрыву.

— Она никуда не пойдет одна, — ровно произнес Грей, выступая на полшага вперед. Уровень магии в Атриуме резко подскочил. Воздух начал сгущаться, готовясь принять форму щитов.

Белоглазая женщина чуть склонила голову набок. На ее скрытом воротником лице не дрогнул ни один мускул. — Боевой маг пятого ранга. Грейсон Вейн. Назначение — телохранитель объекта. Ваше рвение похвально, курсант. Но если вы сделаете еще один шаг, активируя печати антимагического подавления, система безопасности Академии распылит вас на атомы

быстрее, чем вы успеете моргнуть. Столп Вечности любит свежую энергию. Успокойтесь. Вашу жену отведут в Башню Наблюдателей. Вас — в Казармы Льда. Там отличные условия для восстановления после истощения. Вы встретитесь вечером в общей столовой. Правила запрещают совместное проживание супругов на первом курсе. Смиритесь.

Она щелкнула пальцами сухими, старческими пальцами. Пространство исказилось.

Для всех остальных зрителей это выглядело как мгновенное перемещение. Вот Алиса стоит рядом с мужем, вот мигает свет от проходящего по потолку разряда эфира, и вот она уже находится в десяти метрах от них, а между ней и Греем выросла шеренга суровых инструкторов в тяжелой броне, отрезая путь.

— До вечера, Лисенок, — голос Грея прозвучал напряженно, но уверенно. Он знал, что не может пойти против правил этого места, не угробив их обоих. Его взгляд говорил другое: *«Я запомнил каждого, кто тебя коснулся»*.

Алиса лишь кивнула, пряча внезапно нахлынувшую панику глубоко внутрь. Перчатки остались в багаже, и кожа горела от желания защититься, но она заставила себя разжать кулаки.

Распорядительница взяла ее под локоть костлявой хваткой. Хватка мертвеца. — Идем. Верховный не любит ждать.

Они пошли к северному portalу Атриума. Идти пришлось мимо Столпа Вечности. С каждым шагом жар нарастал, но странным образом он не согревал. Он выжигал влагу изнутри. Когда они проходили вплотную, Алиса увидела, как белый свет проходит сквозь тело распорядительницы, обнажая ее скелет и переплетение энергетических каналов. Женщина состояла из праха и чистой воли больше, чем из плоти.

За порталом открылся коридор. Но это был не коридор замка. Это была жила. Узкая кишка из пульсирующей живой ткани, покрытой влажной слизью. Под ногами чавкала кровь. По трубкам вдоль стен бежала вязкая лимфа. Академия действительно была живым существом, и они шли по ее венам.

— Почему здесь растут розы? — спросила Алиса, чтобы отвлечься от мысли, что пол под ногами может в любой момент сомкнуться челюстями. — Потому что красота требует жертв, — равнодушно бросила провидица. — Розы сажают те, кто проваливает финальный экзамен. Удобрение высшего сорта. Они любят минерализованный пепел амбициозных дураков.

Подъем занял двадцать минут. Они поднимались вертикально, но благодаря искажению пространства казалось, что они идут по ровному полу. Наконец стена плоти расступилась, выпуская их на открытую площадку на самой вершине Северного Шпиля.

Здесь гулял настоящий ветер, способный содрать мясо с костей. Отсюда, с высоты птичьего полета, мир внизу казался топографической картой. Виднелись Мертвые Топи черной язвой на теле земли, тонкая нить железной дороги и далекие горы, опоясанные цепями пограничных фортов.

Верховный Магистр сидел в кресле из цельного кристалла спиной к выходу. Он смотрел на горизонт. На нем не было мантии. Лишь простые штаны и рубаха из грубого льна. Плечи покрывала сеть старых, страшных шрамов — следы от разрывных болтов и кислотных ожогов. Волосы были абсолютно седыми, коротко стриженными. Когда он повернулся, Алиса ожидала увидеть белесые глаза, как у распорядителей.

У него были обычные карие глаза. Уставшие, окруженные сеткой морщин человека, который слишком долго не спал. И в этих глазах плескалась бездна.

— Садись, — он указал на второе кресло напротив. — Меня зовут Корвин. Убери барьеры.

— Я не ставлю барьеров, милорд, — честно ответила Алиса, опускаясь в холодное сиденье.

Корвин усмехнулся уголком рта. Сухой, неприятный звук. — Ставишь. Всю дорогу сюда ты сжимала разум в точку, чтобы не слышать вопли этой проклятой скалы. Скала всегда кри-

чит. Ей больно, потому что мы вбили ей в сердце Столп. Сними защиту. Мне нужно видеть цвет твоего страха.

Это был не приказ. Это была просьба равного к равному. Алиса закрыла глаза и позволила своему дару расширяться.

Атака обрушилась мгновенно. Тысячи голосов. Сто тысяч жизней. Радость первой влюбленности студента на нижних ярусах. Холодная ярость инструктора, избивающего кадета палкой в подвалах Казарм. Дикий, экзистенциальный ужас крысы, угодившей в лабораторию алхимиков этажом ниже. Весь спектр человеческих пороков и добродетелей ударил в сознание, ища трещину, чтобы влезть глубже.

Дар взвыл, пытаясь классифицировать, отсортировать, разложить по полочкам каждое чувство. Зубы заныли от боли.

— Тише, — голос Корвина прошелестел сквозь бурю. — Не сражайся с океаном ложкой. Открой рот и глотни. Только один глоток.

Алиса послушалась. Вместо того чтобы фильтровать поток, она представила свое сознание не как крепость, а как прозрачную трубу. Вода хлынула сквозь нее, не задерживаясь. Боль отступила, оставив после себя звенящую ясность.

Она открыла глаза. Ветер на вершине стих. Корвин внимательно изучал ее лицо. — Экзекутус-Омега, — констатировал он. — Чистая линия. Таких не рождалось со времен Раскола. Ты видишь узлы, девочка? — Да, — голос Алисы был хриплым. Горло саднило, словно она кричала несколько часов подряд. — Что ты видишь сейчас? Мое будущее?

Алиса посмотрела поверх его плеча. Обычно над людьми она видела нити — зеленые, красные, сплетающиеся в сложные узоры вероятностей. Над Верховным Магистром не было ничего. Пустота. Абсолютный вакуум. Как над Сизым Носом.

— Ничего, — ответила она. — Пустота.

Корвин удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Достал из воздуха серебряную флягу, сделал долгий глоток. Пахнуло горькими травами и спиртом. — Правильно. Будущего нет. Есть только инерция падения. Мы летим в пропасть последние тридцать лет, с тех пор как Император решил, что может контролировать Скверну. Каждый мой день — это латание дыр в гниющем корпусе корабля. Я удерживаю эти шпильки силой воли, потому что если они рухнут, выброс энергии уничтожит половину континента.

Он встал и подошел к краю площадки. Ветер трепал его простую рубаху. — Знаешь, зачем я вызвал тебя? Не ради проверки лояльности. И не ради красивых глаз твоего мужа, хотя уверен, половина женской общины сегодня ночью будет рыдать в подушки, глядя на него через кристаллы наблюдения. Я вызвал тебя из-за той сцены в экспрессе.

Алиса похолодела. Сердце пропустило удар. — Сизый Нос, — продолжил Корвин, не оборачиваясь. — Один из лучших клинков Южного Синдиката. Дорогой наемник. Мы знали, что он сядет на поезд. Мы позволили ему сесть. Более того, мы позволили ему узнать, кто ты.

— Зачем? — выдавила Алиса. Во рту пересохло.

Магистр повернулся. Его карие глаза впились в нее, лишая возможности отвернуться. — Проверка. Баланс, детка. Ты изменила судьбу мальчика-официанта вчера? Своим даром убедила его не воровать тарталетку?

Откуда он знает такие подробности? Алиса лишь молча кивнула. — Мальчик не украл еду. Он прожил эту ночь сытой. Зато утром, спускаясь в технический отсек, чтобы спрятаться от холода, он поскользнулся на масле и упал на распределительный щит высокого напряжения. Смерть была мгновенной. Замыкание вывело из строя систему климат-контроля трех вагонов. Среди пассажиров оказалась беременная графиня. Из-за перепада температур у нее начались преждевременные роды. Ребенок родился мертвым. Графиня повредила позвоночник, пытаясь выбраться из перевернувшегося вагона позже, во время снежного заноса. Теперь она проведет остаток жизни в инвалидном кресле.

Корвин говорил это будничным голосом, перечисляя факты, как сводку погоды. — Поздравляю. Ты спасла одного ребенка ценой жизни другого и сломанной спины третьего. Дар пророка — это не благословение, Элисара. Это бухгалтерская книга Судьбы. И каждая запись должна быть сведена дебетом с кредитом. Сизый Нос был тестом. Тестом на человечность. Ты угрожала ему показать дно его души. Смогла бы?

— Я... я не знаю, — прошептала Алиса.

— Именно, — кивнул Корвин. — Не знаешь. Потому что никогда не пробовала. А я пробовал. Посмотри мне в глаза снова. Глубже.

Алиса подняла взгляд, подчиняясь властному приказу. И провалилась.

Она стояла в сожженном дотла городе. Небо было цвета запекшейся крови. Вокруг лежали тела — тысячи, десятки тысяч. Мужчины, женщины, дети. Обугленные настолько, что невозможно определить возраст. Посреди площади стоял молодой мужчина в форме лейтенанта Южной Кампании. Корвин. Лет на тридцать моложе. В руках он держал посох, с кончика которого капала жидкое солнце. Перед ним на коленях стояла мать с младенцем. Она не плакала. Просто смотрела на него снизу вверх. — Прошу, — сказала она. — Только не моего сына.

Молодой Корвин улыбнулся. Теплой, искренней улыбкой хорошего парня. — Ради великой цели, — сказал он и выпустил разряд.

Видение схлопнулось. Алиса упала с кресла, тяжело дыби, упираясь руками в ледяной пол. Желудок свело спазмом.

— Я стер этот город с карты, — сказал Магистр откуда-то издалека. — Чтобы остановить распространение Скверны, пожиравшей провинцию заживо. Я убил десять тысяч, чтобы спасти миллионы. Моя душа выгорела дотла в тот день. Именно поэтому надо мной пустота. У меня нет будущего. Я мертв внутри уже три десятилетия. Я существую только как функция. Как весы.

Он вернулся и помог ей подняться, легко, словно пушинку. Его руки были сильными и горячими. — Твой дар опасен не тем, что видит секреты. А тем, что дает иллюзию контроля. Тебе показалось, что ты можешь подтолкнуть чашу весов одним пальцем. Нет, Эли. Ты либо стоишь на месте и позволяешь миру идти своим чередом, утопая в грязи повседневности. Либо берешь на себя ответственность за трупы, которые появятся, когда ты попытаешься сделать добро.

Он отпустил ее и отошел к столу, заваленному картами. — В Академии есть три пути. Первый — факультет Боевой Магии. Станешь мечом. Хорошим, острым, надежным. Таким, как твой муж. Второй — Теория. Станешь пыльным книжным червем. Третий путь — для таких, как ты. Факультет Архива. Кабинет 13-Б, подземный уровень. Там сидят наблюдатели. Они не вмешиваются. Они смотрят. Фиксируют баланс. Предсказывают обвалы. Иногда им приходится отдавать приказы Сизым Носам нашего ведомства.

Корвин взял со стола запечатанный свиток с бордовой лентой. — Я видел варианты будущего, где ты выходишь замуж за своего храброго воина, рождаешь троих детей и счастливо стареешь в поместье. В каждом таком варианте ваш сын находит старый папин клинок, лезет чинить крышу склада алхимических реактивов и превращается в мелкую лужицу органической слизи из-за случайной утечки газа. Баланс жесток к счастью одаренных.

Он протянул ей свиток. — Выбирай, девочка. Быть счастливой вдали отсюда, зная, что твои близкие будут умирать глупо и случайно, потому что Вселенная ненавидит дисбаланс. Или остаться здесь. Научиться смотреть на смерть, не моргая. И стать моими глазами. Выбор за тобой. Но помни: сняв перчатку однажды, ты уже подписала контракт. Обратного пути нет.

Алиса приняла свиток. Пальцы не дрожали. Страх ушел, сторев в огне чужой памяти о сожженном городе. Осталась только тяжелая, звенящая пустота. — Где кабинет 13-Б? — спросила она.

Грея привели в Казармы Льда. Название оказалось буквальным. Вся северная часть Академии представляла собой выдолбленную в вечной мерзлоте сеть туннелей, где температура никогда не поднималась выше нуля.

Его поселили в кубрик на четверых. Две двухъярусные кровати, оружейная стойка, умывальник с ледяной водой. Спартанская простота, призванная убить любые изнеженные привычки гражданской жизни.

Соседи по комнате — двое второкурсников с факультета Земли и один мрачный третьекурсник с некротическими пятнами на шее (Некромантия) — смерили новичка оценивающими взглядами и вернулись к своим делам. Земляные чертили схемы укреплений, Некромант варил в котелке какую-то бурду, пахнущую формалином и дешевым табаком.

— Вейн? — подал голос один из земляных, не отрываясь от чертежа. — Боевик? Пятерка? — Пятый ранг, — подтвердил Грей, кладя свой походный мешок на нижнюю койку.

Некромант хмыкнул, помешивая варево ржавой ложкой. — Тогда тебе в сектор "Ц". Инструктор Маркус обожает пятерок. Особенно тех, кто пришел с гонором Лиги. Заставляет голыми руками останавливать лавины. За прошлый год двоих закопало насмерть. Отличная статистика выживаемости.

Грей проигнорировал провокацию. Он сел на край жесткой койки, покрытой тонким шерстяным одеялом, и посмотрел на свои руки. Энергия восстанавливалась быстро — сказывалась генетика потомственного рода боевых магов, — но психологическое давление давило сильнее физического.

Академия душила. Не холодом. Тишиной. Даже здесь, в казармах, где должны были шуметь молодые парни, стояла мертвая, ватная тишина. Студенты двигались плавно, экономно, говорили шепотом. Никто не смотрел в глаза дольше секунды. Воздух был пропитан запахом антисептиков, озона и... белых роз. Сладковатый, тошнотворный аромат преследовал его даже сквозь толстые стены подземелья.

— Эй, Лиговец, — снова позвал Некромант. — Совет. Пока не началось. Тут нельзя любить.

Грей поднял на него тяжелый взгляд. — Любовь ослабляет концентрацию, — пояснил мертвяк, ухмыляясь половиной лица. — Начинаешь бояться потерять. А страх блокирует каналы. Маркус выбьет из тебя эту дурь на первой же тренировке. Или ты похоронишь свою девчонку своими же руками, когда твоя нестабильная печать рванет на полигоне. Здесь держат дистанцию. Понял?

— Заткнись, Ульрих, — лениво бросил второй земляной студент. — Дай человеку акклиматизироваться.

Грей лег на спину, заложив руки за голову, и уставился в серый бетонный потолок. Он думал об Алисе. О том, как хрупко она выглядела среди этих гранитных колоссов. О сизом носе убийцы. О словах распорядительницы про раздельное проживание.

Правила. Порядок. Дисциплина.

Все это должно было успокаивать боевого мага. Четкие рамки, понятная иерархия, враг обозначен. Но интуиция, отточенная годами выживания в трущобах Нижнего Квартала, вопила об опасности. Эта академия не была учебным заведением. Это был монастырь фанатиков. Фабрика по производству оружия, где учеников прессовали до состояния идеальной формы, вытравливая из них все человеческое.

Запах белых роз стал вдруг невыносимо густым. Казалось, он исходит от самого бетона. Грей резко сел. Второкурсники продолжали заниматься своими делами, не замечая ничего необычного.

Он подошел к небольшому зарешеченному окну под самым потолком, выходящему в центральный ствол шахты. Там, внизу, на дне километрового колодца, тоже росли розы. Целое море белых цветов, шевелящихся без ветра.

И среди этого моря ходили люди в черных балахонах. Распорядители. Они наклонялись, срезали увядшие бутоны длинными серебряными серпами и складывали их в плетеные корзины. Корзины наполнялись очень быстро.

Грей прижался лбом к ледяному металлу решетки. Он оставил Алису одну в компании Верховного Магистра, пережившего собственный личный ад. Он заперт в ледяной могиле. А их новая жизнь, ради которой они предали своих родных в столице, начала отчетливо пахнуть смертью.

— Добро пожаловать в Ад, курсант, — тихо сказал он своему отражению в темном стекле.

Где-то далеко, на вершине Северного Шпиля, Алиса разворачивала свиток с бордовой лентой, принимая свою судьбу. Баланс требовал жертвы. И кажется, платить придется не только чужими судьбами, но и собственными душами.

Глава 3. Первая жертва

Сон не принес облегчения. Он принес запах.

Алиса проснулась за секунду до того, как механический хронометр на стене издал резкий щелчок, возвещающий о начале нового цикла — ровно в пять утра по времени Академии. Она лежала на узкой койке в келье Факультета Архива. Комната была круглой, вырубленной прямо в теле скалы, и напоминала камеру для одиночного заключения. Стены покрывал тонкий слой изморози, который никогда не таял. Единственным источником тепла служила маленькая спиртовая горелка под потолком, едва разгонявшая мрак вокруг письменного стола.

Но холодно было не от камня. Холод шел изнутри.

Сновидение вернуло ее на вершину Северного Шпиля. Карие глаза Корвина смотрели сквозь нее, а за его спиной падал пепел сожженного города. Но теперь она видела детали, которые пропустила вчера: среди обугленных руин росли белые розы. Огромные, мясистые бутоны пробивались прямо сквозь грудные клетки мертвецов, питаясь их остывающей кровью. Магистр наступил на один такой цветок тяжелым сапогом, раздавив его в слизь, и улыбнулся Алисе той самой теплой улыбкой убийцы.

Она села на кровати, кутаясь в тонкое шерстяное одеяло. Пальцы сами потянулись к шее, проверяя наличие цепочки. Амулет Грея — тяжелый серебряный диск с выгравированной руной «Страж» — был на месте. Теплый металл успокаивал, но не защищал от запаха. Сладковатый, удушливый аромат тропических белых роз пропитывал саму ткань реальности этого места. Вчера ей казалось, что это просто магические фильтры-ментаты. Сегодня утром она знала правду: так пахнет смерть, которая здесь считается нормой.

В коридорах Факультета Архива не было слышно шагов. Студенты этого отделения передвигались бесшумно, словно призраки. Их задачей было наблюдать, фиксировать и молчать. На завтраке в общей столовой они сидели отдельно, всегда поодиночке, уткнувшись в свои планшеты или книги. Никто не смотрел друг другу в глаза. Это было идеальное место для Алисы — никто не пытался пожать ей руку или похлопать по плечу. Здесь прикосновения считались грубостью, недостойной интеллектуала.

Одевшись в стандартную черную форму — свободные брюки, рубаша с высоким воротом и тяжелая суконная мантия без знаков отличия — она вышла в центральный ствол Башни Наблюдателей. Лифт представлял собой открытую платформу, скользящую вдоль шахты на силовых линиях. Когда платформа начала медленное падение вниз, к уровню Главной площади, Алиса посмотрела вверх.

Семь Шпилей пронзали небо. Отсюда, снизу, они казались еще более неправильными. Углы зданий искажались, преломляя свет раннего солнца самым противоестественным образом. Казалось, если прищуриться, можно увидеть, как камень течет, подобно воску. Академия дышала. И дыхание ее отдавало тленом.

Утренняя линейка проходила на Гранд-Атриуме. Около трехсот первокурсников стояли идеально ровным каре. Ни шепота, ни кашля. Даже хруст гравия под подошвами ботинок звучал в унисон. Справа возвышался Столп Вечности, сегодня он пульсировал чуть ярче обычного, выбрасывая в холодный воздух снопы искр, похожих на бенгальский огонь. Слева, у подножия Восточного Шпиля, замерла шеренга распорядителей в черных масках. Белые провидческие глаза слепо смотрели поверх голов студентов.

Рори стоял через три человека от Алисы. Он единственный нарушал стройность картины тем, что переминался с ноги на ногу, пытаясь согреться. Увидев ее, он слабо махнул рукой и скорчил рожу, изображая замерзшего пингвина. Алиса позволила себе уголками губ ответить на эту гримасу. Рыжий артефактор казался единственным живым человеком в этом паноптикуме идеальных манекенов.

Верховный Магистр Корвин появился беззвучно. Он возник на вершине каменной кафедры в центре площади просто из воздуха. Его появление вызвало коллективный, синхронный вдох всей толпы. От фигуры Мага исходили волны чистой, подавляющей силы. Рядом с ним стояла женщина-распорядитель, встречавшая их вчера. Ее звали Декан Морайя. Сегодня ее окуляры были затянуты легкой дымкой траура.

— Первокурсники, — голос Корвина ударил по ушам, заставив некоторых студентов пошатнуться. — Вы прибыли сюда ради власти. Ради знания. Ради возможности переписать мир под себя. Первое, чему вы должны научиться — иллюзии бесполезны. Равновесие видит вас насквозь.

Он поднял правую руку. Пространство перед кафедрой пошло рябью, уплотняясь. Из воздуха соткалась фигура девушки. Высокая, изящная, с волосами цвета платины, заплетенными в сложную косу. На ней была форма факультета Теоретической Эфирологии — самая престижная кафедра, куда попадали только дети Верховного Совета. Девушка стояла, безвольно опустив руки, голова чуть склонена набок. Глаза ее были открыты, но абсолютно пусты. Зрачки закатились так, что виднелись только белки с красной сеточкой сосудов.

По рядам прошлестел единый вздох ужаса. Кто-то позади Алисы тихо всхлипнул. — Студентка четвертого курса Элирия Солар, — будничным голосом произнесла Декан Морайя. — Лучший курс по ментальной архитектуре прошлого года. Специализация — создание стабильных иллюзорных пространств внутри чужого разума. Уровень дара — Экзекутус-Бета. Почти предел человеческого потенциала.

Корвин сделал шаг вперед. Он подошел к девушке вплотную и провел ладонью над ее лицом, не касаясь кожи. Воздух между его пальцами и щекой Элирии пошел волнами жара. — В четыре часа двенадцать минут утра дежурный патруль нашел мисс Солар в библиотеке Южного крыла. Она сидела за столом над раскрытой книгой. Физически она цела. Сердце бьется. Легкие дышат. Температура тела тридцать шесть и шесть. Но Элирия Солар мертва.

Слово «мертва» прозвучало громче любого крика. Грей, стоявший где-то в строю Боевых Магов на противоположном конце площади, наверняка сейчас сканирует девушку всеми доступными ему боевыми плетениями. Алиса же сделала то, чего делать не следовало. Она сняла барьеры.

Ее дар развернулся мгновенно, охватывая площадь. Триста человек. Десятки инструкторов. Сама Элирия. Обычный человек — это клубок нитей. Страхи, надежды, планы на ужин, вчерашняя ссора с соседом, тайная влюбленность. Жизнь переливается красками. Элирия была пустотой.

Это выглядело так, будто кто-то взял идеальный стеклянный сосуд и откачал из него весь воздух. Форма осталась, стенки целы, но внутри — абсолютный вакуум. Души не было. Не было даже следа астрального тела, которое обычно висит над физическим коконом несколько дней после смерти. Элирию выпили досуха. Стерли ластиком, не оставив даже разводов графита.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает желчь. Чтобы не упасть, она рефлекторно схватилась за плечо впереди стоящего студента. Прикосновение сработало как детонатор.

Белый туман. Запах гниющих сладких цветов стал настолько плотным, что им можно было дышать вместо кислорода. Звук исчез — пропал гул ветра в шпилях, треск Столпа Вечности, биение сотен сердец вокруг. Осталась только глухая ватная тишина операционной.

Алиса больше не стояла на гранитных плитах Атриума. Она парила в нескольких дюймах над полом библиотеки Южного крыла. Здесь все произошло.

Воздух был липким от остатков магии. На дубовом столе лежала раскрытая книга — «Принципы многослойных конструкторов». Пергамент страницы пожелтел от старости. Пыль на столешнице была нетронута, кроме одного места — там, где лежала рука Элирии. Четкий отпечаток ладони. Девушка читала книгу, затем... что?

Алиса провела рукой над стулом. Температурный след. Здесь долго сидел кто-то второй. Этот «кто-то» не оставил следов ауры. Никаких эмоций. Никакого дыхания. Только слабый химический запах озона и жженого сахара.

И снова этот звук. Еле уловимый, на грани ультразвука. Похожий на стрекот цикад в летнюю ночь, но сухой, бумажный. Как если бы тысячи насекомых одновременно перебирали сухими лапками пергамент.

«Они приходят на знание», — прошептал чужой голос прямо в ухо Алисе. Голос не принадлежал человеку. В нем не было интонаций, только вибрация. — *«Девочка открыла дверь. Мы вошли».*

Алиса резко отдернула руку от стула, возвращаясь в реальность Атриума. Ноги подкосились. Если бы не крепкая хватка Рори, вовремя подставившего плечо, она бы рухнула лицом в гравий.

— Эй, полегче, наблюдательница, — прошипел рыжий ей на ухо. — Ты сейчас высосала половину моих резервов своим откатом. Что ты увидела?

— Там никого не было, — выдохнула Алиса, глядя на застывшее восковое лицо Элирии. — Совсем никого. Словно она разговаривала с воздухом. Или со стеной.

— Тихо! — процедил Рори, заметив, как в их сторону поворачивается белая маска Декана Морайи.

Корвин закончил осмотр. Он отступил от девушки на шаг, задумчиво глядя на свои пальцы. — Официальная версия для прессы Империи и ваших родителей, господа студенты, — внезапно сказал Верховный Магистр, обращаясь ко всем сразу. — Магическое истощение. Мисс Солар работала над дипломным проектом седьмого уровня сложности. Попытка удержать слишком сложный конструкт привела к коллапсу синаптических связей. Она превратилась в овощ. Такое случается раз в десятилетие. Печально, но закономерно. Тело будет отправлено семье для погребения. Занятия отменяются до обеда. Расходитесь.

Ложь повисла в воздухе густым смогом. Инструкторы знали правду. Распорядители знали правду. Корвин знал правду. Элирия не перегорела. Перегоревший маг оставляет после себя выжженный разум, хаотичные вспышки энергии, иногда — физическую мутацию тканей. То, что случилось с девушкой, было хирургическим удалением личности. Чистое, стерильное убийство.

Каре начало рассыпаться. Студенты двигались медленно, оглядываясь на пустой кокон Элирии. Впервые за все время пребывания в Академии Алиса услышала настоящий звук — тихий, нарастающий шелест. Обернувшись, она поняла, что исходит он от роз. Бутоны начали медленно раскрываться, хотя на них не было росы и не дул ветер. Лепестки шевелились, словно лепестки хищных растений, почуявших добычу. Они впитывали страх.

— Библиотека закрыта на карантин, — сказал Рори, увлекая Алису прочь от площади, в арку перехода. — Но я знаю обходной путь через систему вентиляции. Тебе нужно выпить горячего. Ты бледная, как простыня некроманта Ульриха. Кстати, совет: никогда не оставайся с Корвином наедине дольше пяти минут. После десятой начинаешь хотеть рассказать ему про тот случай в детстве, когда ты утопила котенка. А после пятнадцатой начнешь считать это правильным поступком ради баланса природы.

Кафетерий находился на минус втором уровне Центрального Шпиля. Низкие потолки, тусклое освещение, столы из литого железа. Запах синтетического кофе и дезинфекции. Народу почти не было — большинство предпочло вернуться в казармы или библиотеки, чтобы переварить увиденное.

Алиса сжимала в руках горячую кружку, но тепло не проникало сквозь кожу. Пальцы оставались ледяными. — Рори, что такое «Экзекутус-Омега»? — спросила она, глядя, как над черной жидкостью поднимается пар. — Корвин назвал мой уровень Омегой. Я думала, шкала заканчивается на Сигме.

Рыжий перестал размешивать сахар и посмотрел на нее долгим, серьезным взглядом. Вся его обычная клоунада испарилась, уступив место пугающей серьезности потомственного ученого. — Потому что официально шкалы Омега не существует, Лис. Это термин из закрытых архивов времен Раскола. Шкала измерения идет от Альфы до Сигмы. Это человеческий предел. Дальше начинается математика богов. Экзекутус-Сигма может остановить землетрясение силой воли. Омега... — он понизил голос до шепота. — Омега способна переписать причинно-следственную связь. Не предсказать будущее, а подтолкнуть нужный камень, чтобы вызвать лавину, которая изменит континент. Именно поэтому таких, как ты, сжигали веками. Дар предвидения пугает королей. Дар изменения реальности заставляет дрожать самих богов. Тот факт, что ты стоишь здесь, означает одно из двух: либо Корвин сошел с ума и решил поиграть с термоядерной боеголовкой в детской, либо ситуация в Разломе настолько отчаянная, что нам нужны боги на нашей стороне.

Он наклонился еще ближе, его зрачки расширились от адреналина исследователя. — Знаешь, почему декан назвала версию об истощении ложью? Элирия тоже была сильным ментатом. Но она теоретик. Она работала с информацией. Мой дядя говорит, что информация имеет вес. Душа имеет плотность. То, что убило ее, пришло не из физического мира. Оно прошло сквозь слои эфира, миновав все защитные чары Академии, нашло одну конкретную душу в здании размером с город и аккуратно извлекло ее, не повредив оболочку. Это невозможно сделать заклинанием. Для этого нужен Ключ.

— Какой ключ? — спросила Алиса, чувствуя, как чашка начинает мелко дрожать в пальцах.

— Понятия не имею, — пожал плечами Рори. — Но я чувствую остаточный резонанс. Весь Южный блок фонит странной частотой. Семь герц. Частота распада костной ткани. Пойдешь со мной проверять датчики после обеда? Будет весело. Возможно, нас расплющит давлением в вентиляционной шахте, зато умрем мы героями науки.

Грей вернулся в Казармы Льда только к полудню. Лицо его было серым от усталости, под глазами залегли тени. Энергию он потратил до капли.

Ульрих-Некромант встретил его кривой усмешкой, помешивая свое варево: — Ну что, герой? Видел невестушку? Говорят, твоя девочка упала в обморок на линейке. Нежные нынче пошли жены у боевых магов. Наверное, маникюр сломала.

Грей проигнорировал выпад. Он сел на свою койку и начал методично чистить боевой кинжал промасленной тряпкой. Каждое движение было выверенным, агрессивным. — Это не истощение, — глухо бросил он, не поднимая глаз. — Я успел провести поверхностное сканирование, пока красные плащи не оттеснили толпу. Полная деструкция эфирного тела. Кто-то вырезал ее душу ножом. Идеально чистым ножом.

Второй студент-земледел, которого звали Бранд, отложил стилус: — Вырезал? Здесь? Под носом у Корвина? Верховный почувствовал бы всплеск враждебной магии за милую.

— Значит, магии не было, — Грей поднял взгляд. Вертикальные зрачки сверкнули опасным желтым огнем. — Значит, это сделали чем-то древним. Артефактом. Или...

Он замолчал, вспомнив слова Сизого Носа в экспрессе. *«Мой заказчик платит золотом именно за неудобства»*. Заказчик знал, что Алиса едет в Академию. Заказчик прислал киллера проверить ее. А теперь лучшая студентка курса превращается в пустую куклу. Совпадений не бывает. Особенно в местах, где растут розы-людоеды.

— Ульрих, — позвал Грей. — Твоя дисциплина чувствует смерть лучше всех. Что говорят трупы?

Некромант фыркнул, снимая котелок с огня. По комнате поплыл запах формалина и болотной воды. — Трупы тут говорливые, малыш. Проблема в том, что свежего материала

мало. Старшие курсы берегут свои косточки. Но есть слух. Байка, которую травят в душевых старшекурсники. Про «Библиотекарей».

Грей напрягся. Руна на его амулете под туникой стала теплее. — Призраки хранилища? — Хуже. Говорят, глубоко внизу, в Закрытом Секторе, где хранятся книги, написанные кровью первых императоров, живет персонал. Охрана. Они выглядят как люди. Ходят в форме. Но у них нет лиц. Просто гладкая кожа. И они коллекционируют воспоминания. Если встретишь такого в пустом коридоре — смотри в пол. Если посмотришь в глаза, он заберет твой самый счастливый день. А если попытаешься бежать — заберет всё остальное. Элирия занималась теорией структур. Она могла наткнуться на описание чего-то, чего видеть нельзя.

— Чушь собачья, — отрезал Бранд. — Городские легенды для первокурсников, чтобы не лазили в подвалы.

— Посмотрим, насколько это чушь, когда твою душу упакует в банку, — лениво протянул Ульрих. — Хотя тебе-то бояться нечего, земляной. У тебя души на дне стакана не наберется. Сплошной ил.

Бранд побагровел, вскакивая. Между его ладонями завертелись каменные шипы. Грей поднялся одним плавным движением, вклиниваясь между ними. — Отставить. Оба. Нам запрещено применять силу вне полигонов. Еще одна драка, и Маркус лично спустит нас в Анатомичку на разделку. Заканчивай со своей бурдой, мертвяк. Идем на построение.

Когда Ульрих вышел, бросив напоследок что-то язвительное, Бранд зло сплюнул на пол: — Ненавижу этих философов. Думают, раз умеют камни ворочать, то хозяева жизни. Передай своей жене, Вейн, пусть держит свой дар при себе. Мне проблемы с ректоратом не нужны. Если Корвин решит, что она опасна, ее отправят к Столпу. А оттуда возвращаются либо идиотами, либо вообще не возвращаются.

Дверь за ними закрылась. Грей остался один. Он подошел к зарешеченному окну. Внизу, на площади, уже вовсю шли занятия. Студенты факультета Земли левитировали многотонные блоки гранита, выстраивая крепостную стену. Все выглядело обыденно. Нормально.

Только вот розы под окном стали заметно крупнее, чем были утром.

Обеденная проверка датчиков обернулась катастрофой, но совсем не той, которой ожидал Рори. Система вентиляции Южного блока действительно фонила. Приборы в руках рыжего артефактора пищали, показывая зашкаливающий уровень энтропии. — Семь герц, — бормотал Рори, ползая на коленях под массивной решеткой воздухозаборника. — Алиса, посвети сюда. Кажется, изоляционный контур разъело кислотой. Но какой кислотой можно растворить мифриловый сплав?..

Алиса держала ручной фонарик. Свет бил в темноту трубы. И вдруг луч уперся во что-то мягкое, перекрывшее проход. Ткань. Темно-синий рукав форменной блузы. Размером он был впору четырехлетнему ребенку.

— Рори... — начала Алиса.

Рыжий поднял голову. Его лицо мгновенно стало белым, как мел. Маленькая ступня в аккуратном кожаном башмаке торчала из-за изгиба трубы. Нога была неестественно вывернута.

Алиса сделала шаг вперед, пригнувшись. Пространство в трубе было шире, чем казалось. Там, свернувшись калачиком, лежала девочка. Лет десяти-одиннадцати. Одета в форму младшего подготовительного корпуса. Золотистые волосы растрепаны. Круглые очки съехали на кончик носа.

Она была физически цела. Ни крови, ни ран. Просто спала в вертикальной вентиляционной шахте на высоте тридцати метров над землей. Вот только спать там было невозможно. Шахта шла строго вверх, поток воздуха должен был превратить ее тело в наждак за секунды.

— Это... Люси, — прошептал Рори, опуская приборы. — Люси Мэйхем. Ей десять. Она поступила в этом году. Гений акустической инженерии. Всегда ходит в очках... Алиса, у нее нет очков. И посмотри на шею.

Алиса посмотрела. И мир снова сузился до точки. На идеальной коже девочки, чуть ниже правого уха, расцветал бутон белой розы. Цветок буквально рос из-под кожи. Тонкий зеленый стебель с крошечными, острыми как иглы шипами уходил внутрь шеи, туда, где должна находиться сонная артерия. Лепестки бутона слегка подрагивали, пульсируя в такт какому-то невидимому ритму.

Запах стал невыносимым. Сладкий запах разложения и дорогих духов забил ноздри, вызывая тошноту. Алиса потянулась к девочке, но Рори перехватил ее руку железной хваткой. — Не трогай! — рявкнул он. — Это не ботаника. Это паразит класса «Омега». Присоска. Она вытягивает не кровь. Она вытягивает потенциал. Люси была одаренным ребенком. Теперь она просто... оболочка.

Приборы в его свободной руке взвыли пожарной сиреной. Фон энтропии прыгнул выше критической отметки. Из глубины трубы, откуда пришла девочка, раздался тот самый звук. Сухой, бумажный стрекот тысяч насекомых.

— Бегом! — крикнул Рори, дергая Алису назад. — Сейчас здесь будет вся служба безопасности!

Они выползли обратно в коридор, тяжело дыша. Рори тут же активировал печать отвода глаз на решетке. Для любого патруля теперь это будет выглядеть как обычный технический узел. — Нужно идти к Корвину, — выдохнула Алиса, вытирая рот перчаткой. Желчь подступала к горлу. — Эта штука растет в стенах академии. Буквально.

— И что ты скажешь? — горько усмехнулся Рори, приваливаясь к стене. — «Господин Верховный Магистр, извините, мы нашли ребенка с цветком в горле, пока пытались украсть данные о вашей лжи насчет Элирии»? Нас спустят в Анатомиčku быстрее, чем мы успеем договорить. Люси найдут через час. Может, через два. Объявят санитарную чистку вентиляции. Спишут на редкую плесень из Топей. Родители получают урну с пеплом и благодарность от ректората. Система работает как часы, Алиса. Мы — винтики. Если винтик замечает, что машина перемалывает детей, винтик заменяют.

Он посмотрел на нее своими честными, испуганными глазами меди. — Твой муж прав. Тут нельзя любить. И нельзя дружить. Дружба делает тебя уязвимым. Привязанность дает им рычаг давления. Держись меня, наблюдательница. Я трус и люблю жизнь. Поэтому я умею быть незаметным. А ты... постарайся не смотреть людям в глаза слишком долго. Твой дар сейчас сияет, как маяк в шторм. Всё, что забрало душу Элирии, знает, что ты здесь. И оно очень заинтересовано в гостях.

Вечером, когда багровое солнце полярного круга на мгновение показалось над краем шпилей, прежде чем кануть в бесконечную ночь, прозвенел гонг. Ужин.

Алиса вошла в столовую последней. Зал был огромен, освещен тысячей свечей, парящих под потолком. Длинные столы ломились от еды, но аппетит отсутствовал полностью.

Она нашла свободное место на краю скамьи рядом с группой второкурсников-теоретиков. Стараясь не поднимать глаз, она взяла кусок хлеба. Краем зрения она заметила, как за преподавательским столом Корвин медленно пережевывает мясо. Его движения были точными, механическими.

Рядом с Верховным Магистром стоял новый объект. Высокий мужчина в сером сюртуке, которого вчера не было. У него были приятные черты лица, мягкая улыбка и совершенно седые виски. Он что-то оживленно рассказывал Корвину, жестикулируя вилкой.

Алиса моргнула, фокусируя внутреннее зрение. Над головой незнакомца не было зеленой нити будущего. Вообще ничего. Лишь такая же черная пустота, как у Сизого Носа.

Но самое страшное было не в этом. Когда мужчина смеялся очередной шутке Маэстра, полы его сюртука слегка разошлись. На поясе, в специальных ножнах, закрепленных внутренней стороной к телу, покоился предмет.

Длинный, завернутый в серый шелк сверток. Около метра в длину. Шелковая ткань не скрывала контуров. Это был меч. Или очень длинный кинжал. Прямой, обоюдоострый.

И от этого свертка веяло таким космическим холодом, что пламя свечей за ближайшим столом дрогнуло и погасло.

Алиса перевела взгляд на стол преподавателей дальше. Там сидел декан Морайя. Женщина-распорядитель ела десерт — фруктовое желе белого цвета. При каждом движении ложки желе подрагивало, принимая форму цветка. Белого розы. Лепестки трепетали, живые и влажные.

Морайя подняла голову. Сквозь прорези маски ее белые глаза уставились прямо на Алису. Она улыбнулась. Медленно, растягивая губы. Затем она поднесла ложку с трясущимся белесым цветком ко рту и проглотила его. Живьем.

Алиса резко отвернулась, чувствуя, как деревянный пол уходит из-под ног. Она положила хлеб на стол. Рука дрожала. Первая жертва оказалась лишь началом. Баланс требовал оплаты. Академия начала собирать долги, и запахом этой валюты был аромат свежих белых роз, смешанный с вонью старой могилы.

Глава 4. Шепот в библиотеке

Ночь в Академии Семи Шпилей не приносила покоя. Она лишь сгущала тени, делая бесконечные коридоры похожими на пищевод гигантского зверя. Алиса лежала в своей келье Факультета Архива, глядя в потолок, где плясали отблески спиртовки. Сон не шел. Каждый раз, закрывая глаза, она видела пустые глазницы Элирии и бледное лицо десятилетней Люси с живым цветком, прорастающим сквозь горло. Запах белых роз преследовал ее даже здесь, хотя в комнате не было ни одного растения — только камень, лед и бумага.

Рядом, на соседней койке, мерно дышал Грей. Боевой маг восстанавливался быстро: после утреннего истощения на линейке он проспал почти весь день, пропустив ужин. Его присутствие было единственным якорем в этом безумии. Но сейчас этот якорь стал помехой.

Алиса тихо соскользнула с кровати. Движения были отработаны годами жизни под прищелком родителей-магистров: никакого скрипа половиц, дыхание задерживается на выдохе, чтобы не выдать себя облачком пара. Мантия наблюдателя поглощала звук шагов.

Она подошла к двери. Замок щелкнул едва слышно. В коридоре царил синий полумрак дежурного освещения. Камни стен источали холод, от которого ныли зубы. Путь до Центрального Шпиля занял двадцать минут осторожной ходьбы. Библиотека Южного крыла была оцеплена красными плащами Инквизиции еще утром, но Центральный архив работал круглосуточно.

Главный зал встретил ее гулкой тишиной и запахом старой кожи, пыли и воска. Это было сердце знаний Империи — уходящие под купол стеллажи из черного дерева, винтовые лестницы без перил, подвешенные в воздухе на силовых линиях, и миллионы фолиантов, спящих мертвым сном. Здесь хранились знания, которые нельзя доверять людям. Книги по демонологии, написанные кровью самих демонов; трактаты о времени, переплетенные кожей путешественников, застрявших в петлях вечности.

Алиса знала, что ищет. Не ответ — у ответов в Академии всегда был привкус лжи Корвина. Она искала вопрос. Если Элирия занималась теорией многослойных конструкторов, а маленькая Люси — акустикой, их должно было связывать нечто фундаментальное. Частота. Резонанс. То самое «эхо», которое Рори уловил своими приборами.

Она спустилась на самый нижний ярус, сектор «Омега». Сюда редко спускались студенты — тут стояли книги, само чтение которых могло свести с ума. Стеллажи здесь были закрыты свинцовыми створками. Алиса провела ладонью над корешками, не касаясь металла. Ее дар позволял читать остаточную память предметов. Большинство книг молчало или кричало головами своих авторов — криками боли, экстаза или ужаса.

Один фолиант отзывался иначе. Тихим, монотонным шепотом, похожим на шум дождя. На свинцовой крышке не было названия. Только тиснение: семь шпилей, перечеркнутых косым крестом. Символ Раскола.

Замок поддался легко. Свинцовая плита отошла в сторону с глухим вздохом. Внутри, на бархатной подкладке, лежала не книга. Это был дневник. Кожаный переплет потемнел от времени так, что казался вырезанным из застывшей крови. Страницы были тонкими, как лепестки, и исписаны мелким, бисерным почерком. Чернила выцвели до цвета чайной розы.

Алиса открыла его наугад. *«...четвертый день затмения. Башня Наказаний пульсирует чаще. Верховный говорит, что это необходимо для сдерживания Скверны. Я больше не верю Верховному. Сегодня ночью я видел, как Декан Морайя выходила из покоев первокурсника. Утром мальчик сошел с ума, смеясь цветами. Цветы растут из его горла. Морайя улыбалась».*

Пальцы Алисы похолодели. Записи датировались четверста восьмым годом Новой Эры. Эпоха основания Академии. Значит, это не болезнь камня. Это традиция. Ритуал.

Она перевернула страницу. Почерк становился нервным, буквы прыгали. *«Они называют это "Балансом". Они говорят, что душа — это избыточная энергия. Что одаренный человек вырабатывает слишком много света, и мир вокруг него начинает гореть. Чтобы предотвратить пожар, нужно забрать свет. Я нашел формулу. Частота распада костной ткани. Семь герц. Звук, который заставляет душу отделиться от тела добровольно, словно плод от ветки. Идеальная жатва. Никакой борьбы. Никаких следов насилия. Просто... пустота».*

— Нашла что-то интересное, Лисенок?

Голос Грея ударил по нервам, как разряд молнии. Он стоял тремя ступенями выше винтовой лестницы, опершись плечом о стеллаж. Как он прошел мимо нее бесшумно? Боевые маги носили специальные амулеты глушения звука, но снять такую защиту с идущего человека мог только другой мастер того же профиля.

— Ты следил за мной, — выдохнула Алиса, судорожно захлопывая дневник. Бархатная обложка обожгла ладони холодом.

— Я проснулся, когда ты начала дышать так, будто собираешься пробежать марафон, — Грей медленно спустился вниз. Свет единственной лампы упал на его лицо, подчеркивая жесткие складки у рта. — Дай сюда.

Он протянул руку. Алиса заколебалась. Прикосновение означало видение. А видения теперь могли стоять ей рассудка. Но скрывать правду от единственного союзника было глупостью. Она вложила дневник в его ладонь.

Грей взял книгу осторожно, двумя пальцами, словно ядовитую змею. Он не открывал ее сразу. Сначала активировал руну на своем перстне — воздух вокруг них замерцал золотистым светом, отсекая любые внешние звуки и сканирующие лучи охраны. — Читай вслух, — приказал он. — Начни с середины той страницы, которую открывала.

— Грей, если мы вызовем охранный протокол... — Читай, — повторил он тише, и в его глазах вспыхнул вертикальный зрачок. — Если эта дрянь реагирует на знание, значит, мне нужно знать тоже. Моя работа — стоять между тобой и тем, что хочет тебя сожрать. Я не могу защищать тебя от тумана.

Алиса глубоко вдохнула запах книжной пыли и смерти. И начала читать: — *«Частота распада костной ткани составляет ровно семь целых две десятых герца. При воздействии инфразвука этой частоты на височные доли мозга происходит резонанс синапсов. Астральное тело теряет сцепку с физическим сосудом. Оно становится пластичным. Сбор урожая требует второго компонента. Проводника. Тот, кто принимает душу, должен иметь открытую рану. Кровь должна смешаться с эфиром жертвы. Тогда цветок расцветает».*

В тот момент, когда слово «цветок» сорвалось с ее губ, лампа над их головами моргнула. Раздался тонкий звон лопающегося стекла. Огонь погас.

Келья погрузилась в абсолютную темноту подземелий. Лишь слабое свечение защитного контура Грея очерчивало их фигуры синеватым ореолом. И в этой темноте расцвел новый источник света.

Прямо посередине раскрытого дневника, на пожелтевшем пергаменте, рос бутон. Он не появился из ниоткуда. Он именно рос. Ткань бумаги натянулась, чернила букв поплыли багровыми слезами, складываясь в узор прожилок стебля. Плоть дневника вскрывалась, уступая место живой материи. Бутон набухал, расправляя тугие спиральные лепестки ослепительно-белого цвета.

Но это была не та восковая белизна цветов Розария Безмолвия. Этот цвет был хищным. Лепестки имели текстуру человеческой эмали и слегка влажно блестели в свете защиты боевого мага.

Росток вытягивался вверх, пробиваясь сквозь толщу страниц. Когда он достиг высоты десяти сантиметров, на кончике самого верхнего, идеально ровного лепестка набухла капля.

Темно-рубиновая, густая. Капля набухла, округлилась под собственной тяжестью и тяжело упала прямо на строчку дневника.

Чернила под ней зашипели, сворачиваясь, как от кислоты. Бумага истлела мгновенно, оставив дымящуюся черную пропасть.

— Назад! — рявкнул Грей.

Он толкнул Алису за спину, выставя свободную левую руку вперед. Воздух перед ними пошел маревом от жара. Грей не швырялся огненными шарами — он создавал стену плазмы, выжигая кислород. Температура в крошечном пространстве между стеллажами поднялась мгновенно. По лицу градом катился пот.

Белая роза никак не отреагировала на пламя. Она просто продолжала расти, игнорируя законы физики. Стебель утолщался, покрываясь длинными, полупрозрачными шипами. Один такой шип качнулся в сторону Грея, целясь ему в запястье.

— Руби! — выкрикнула Алиса. — Уничтожь корень!

Корень находился внутри переплета. Книга билась в руках Грея, как живая рыба, пытаясь вырваться. Обложка из кровавой кожи пульсировала.

Грей перехватил дневник левой рукой, подставляя правую под удар. Это было чистое самоубийство — позволить порождениям магии коснуться плоти боевого мага высокого ранга часто заканчивалось аннигиляцией обоих. Но расчет оказался верным. Как только шип коснулся серебряного перстня-печатки, металл издал пронзительный визг. Руна «Страж» поглотила атаку. Перстень раскалился докрасна, сжигая органический отросток.

Не давая твари опомниться, Грей занес правую руку. Пальцы сложились в сложную фигуру печати разрушения. Между костяшками за клубилось первородное пламя Нижнего мира — чистая ярость стихии, способная плавить адамантит. — Умри, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Удар пришелся точно в центр бутона. Вспышка была беззвучной и короткой. Белую вспышку сменило облако жирного черного пепла. Когда зрение вернулось, на столе лежал только обугленный, воняющий озоном кусок кожи. Дневник исчез. Вместе с ним исчезло несколько соседних книг на нижней полке — взрыв испарил саму историю.

Грей тяжело оперся о стеллаж. Дерево задымилось там, где его коснулась рука. Серебряный перстень остывал, трескаясь — печать выгорела изнутри, став бесполезным куском металла. — Жива? — прохрипел он, тяжело дыша. Каждое произнесенное слово давалось ему с трудом — выброс энергии такого уровня опустошил резервуары быстрее, чем утренняя стычка с ректором.

— Цела, — ответила Алиса, чувствуя, как дрожат колени. Она посмотрела на свои руки. На указательном пальце правой руки алела свежая царапина. Осколок стеклянной колбы лампы. Совсем крошечный порез, выступившая капелька крови.

Запах изменился. Сладкая гниль ушла. Теперь пахло озоном, гарью и... железом. Медным купоросом. Так пахнет старая кровь в закрытой банке.

— Она среагировала на слово «цветок», — сказал Грей, медленно сползая по стене на пол. Ноги его больше не держали. — Или на сам факт чтения. Эта библиотека — не хранилище. Это ловушка, Алиса. Корвин скармливает ей любопытных студентов.

— Нет, — Алиса покачала головой, прижимая порезанный палец к губам. Порез саднил. — Посмотри на частоту. Семь герц. Рори засек эту вибрацию в вентиляции, где нашли Люси. Элирия изучала теорию структур — то есть архитектуру резонанса зданий. Маленькая девочка работала со звуком. Они выбрали ключи к частоте самой Академии. Эти розы... они часть фундамента. Они растут из костей этого места.

Грей поднял голову. Вертикальные зрачки все еще расширены, занимая почти всю радужку — признак крайнего истощения боевой формы. — Если цветы питаются душами,

то где пьют остальные? В столовой сегодня было полно профессуры. Та женщина-декан... Морайя. Она съела желе в форме цветка. Ты видела, как оно шевелилось.

— Она не ела еду, — прошептала Алиса. Осознание обрушилось на нее холодной волной, заставив схватиться за горло. — Она проводила ритуал подтверждения лояльности. Баланс требует жертвоприношения. Но убивать всех подряд ножом неэффективно — инквизиция начнет расследование. Проще заставить систему работать саму на себя. Студенты соревнуются, сходят с ума от давления, пытаются заглянуть за грань ради лучшей оценки. Они сами открывают дверь частоте в семь герц. А преподаватели... они просто принимают дозу. Проглатывают эссенцию чужой жизненной силы, упакованную в форму цветка. Это наркотик, Грей. Самый страшный наркотик во вселенной. Вечная молодость. Чистое сознание, украденное у детей.

Тишину библиотеки разорвал механический скрежет. Верхний люк винтовой лестницы отъехал в сторону. Вниз пополз луч мощного фонаря. Глухой лязг тяжелых сапог по металлическим ступеням. Красные плащи патруля реагировали на всплеск магии пятого ранга быстрее, чем срабатывала сигнализация.

— Уходим, — Грей попытался встать, но ноги подогнулись. Магическое истощение накрыло его полностью. Он потратил суточный запас сил академии на уничтожение одной проклятой книги.

Алиса бросилась к нему, подставляя плечо. От него исходил жар лихорадки. — Я понесу, — сказала она, вкладывая остатки своего дара в физическое усиление. Для эмпата манипулировать гравитационным полем собственного тела было противоестественно, но страх потерять мужа придавал сил.

— Оставь меня, — прорычал он, отталкивая ее здоровой рукой. — Лис, послушай. Если нас возьмут вместе, нас разделят. Тебя отправят в Архив навсегда, меня — в Столп. Беги. Используй вентиляцию. Ты легкая. Доберись до нашего кубрика в Казармах, заberi мой второй комплект печатей из-под пола. Я скажу им, что полез один.

— Ты идиот, если думаешь, что я оставлю тебя этим садовникам, — отрезала Алиса.

Она взвалила его тяжелое, непослушное тело себе на спину, используя прием эвакуации раненых, которому научилась еще в детстве в трущобах — навык, недостойный благородной леди, но спасающий жизни. Грей весил вдвое больше нее, но адреналин и паника творили чудеса.

Они метнулись вдоль стеллажей, уходя из зоны прямой видимости лестницы. Патруль уже входил в секцию Омега. Голоса звучали равнодушно: — Источник юго-запад. Третий ярус. Похоже на детонацию запретного гримуара. Вызывайте уборщиков. И проверьте периметр на наличие паразитов. Опять распустились вне графика.

Слова резанули слух. «Паразиты». Они знали. Весь персонал знал, что розы — это паразиты. Охрана не боролась с ними. Они их культивировали.

Алиса втолкнула Грея в узкую щель между двумя шкафами. Пространства хватало ровно на то, чтобы сидеть, прижавшись друг к другу. Она зажала ему рот ладонью, призывая свой дар. Ментальное сокрытие. Она не могла внушить иллюзию, но могла создать зону «скучного пространства». Любой, чей взгляд упадет на эту щель, почувствует неодолимое желание отвернуться, проверить часы или подавить зевок. Обычный человек пройдет мимо. Но распорядители с белыми глазами...

Шаги остановились прямо напротив их укрытия. Луч фонаря скользнул по щели, осветив ботинки Грея. — Следов нет, — раздался хриплый голос. — Гримуар сгорел дотла. Самоуничтожение при несанкционированном чтении. Классика жанра. Запишите: потеря ценных данных сектора Омега. Причина — халатность курсанта. — Принято. Заканчиваем обход.

Луч переместился дальше. Тяжелые шаги начали удаляться в сторону выхода. Алиса сидела неподвижно еще десять минут, пока Грей окончательно не обмяк в ее руках, провалив-

шишь в глубокий сон истощения. Его голова лежала у нее на плече. Даже во сне его брови были сурово сведены, а челюсти сжаты.

Она позволила себе закрыть глаза. И совершила ошибку. Прикосновение к его коже, контакт кожа-к-коже в момент пика эмоционального напряжения, сработало как открытый канал.

Мир качнулся. Библиотека исчезла.

Она стояла в том самом месте, которое видела вчера днем — на вершине Северного Шпиля. Но сейчас здесь не было снега. Пол площадки был залит вязкой черной жижей. Кровью вперемешку с землей. Посреди площадки возвышался алтарь. Огромный монолитный кристалл, пульсирующий внутренним светом.

Над алтарем склонилась фигура. Декан Морайя. Маски на ней не было. Лицо женщины было прекрасным, точеным, лишенным возраста. Идеальная фарфоровая кожа. И абсолютно белые, слепые провидческие глаза. В руках она держала нож. Обычный хирургический скальпель. На алтаре лежала Люси Мэйхем. Девочка была в сознании. Она смотрела в потолок огромными, полными животного ужаса глазами, но не кричала. Из ее открытого рта тянулся толстый белый стебель розы, уходящий прямо в глотку. Цветок на другом конце стебля жадно пульсировал, раздуваясь от чего-то невидимого.

Морайя повернула голову. Несмотря на расстояние, Алиса увидела, как губы декана растянулись в приветливой улыбке. — Наблюдательница, — пропела она голосом, сладким, как мед. — Ты пришла посмотреть на сбор урожая? Не бойся. Боль длится всего мгновение. Затем наступает покой. Великое Равновесие любит тишину. Мы просто возвращаем долг земле. Разве твой муж не учил тебя делиться?

Морайя сделала быстрый, смазанный шаг в сторону, оказываясь вплотную к Алисе. Расстояние в пятьдесят метров было преодолено за долю секунды. Холодный металл скальпеля коснулся шеи Алисы чуть ниже уха. Туда, где билась жилка. — У тебя очень сильная душа, милочка, — прошептала декан ей на ухо. — Слишком яркая. Такие души портят статистику факультета. Они заставляют других надеяться. А надежда — это ржавчина на шестеренках Баланса. Мы снимем с тебя лишнее. Всего пару унций страха. Тебе понравится. Станешь тихой. Спокойной. Хорошей девочкой.

Скальпель начал погружаться в кожу. Боли не было. Был только невыносимый холод, высасывающий тепло из костей. Алиса дернулась, пытаясь закричать, позвать Грея, ударить эту фарфоровую куклу даром...

Вспышка.

Она снова сидела в темноте между книжными шкапами. Сердце пыталось проломить ребра. Горло горело от беззвучного крика. Грей пошевелился во сне, крепче прижимая ее к себе здоровой рукой, реагируя на ее ужас даже в отключке. Библиотека молчала. Патруль ушел.

Но на воротнике мантии Алисы, прямо над ключицей, медленно проступало влажное пятно. Пятно имело идеальную форму капли. И пахло оно не потом. Оно пахло свежесрезанной белой розой.

До Казарм Льда они добрались через час, используя сервисные туннели для техников эфира. Дорогу показывал внутренний компас Алисы, обострившийся до предела после пережитого шока.

Кубрик встретил их спертым воздухом и храпом Ульриха-Некроманта. Земляные студенты отсутствовали — наверняка до сих пор укрепляли полигоны.

Алиса помогла Грею лечь на нижнюю койку. Он был тяжелым, как статуя. Магическое истощение граничило с комой. Амулет на его груди тускло мерцал, пытаясь защитить хозяина от последствий отката. Алиса села рядом, сжимая в руке осколок стекла. Порез на пальце давно перестал кровоточить, затянувшись тонкой пленкой. Но ощущение чужого холодного металла на шее никуда не делось.

Она посмотрела на сумку Грея. Тайник под половицей. Там лежали его личные боевые артефакты, запрещенные к хранению в кампусе. Печати массового поражения.

За стеной, в центральном дворе Академии, прозвенел гонг. Два часа ночи. Начало третьей стражи. Время, когда меняются караулы у Столпа Вечности.

Алиса встала. Подошла к зарешеченному окну. Луна освещала крыши Шпилей, окрашивая снег в мертвенно-голубой цвет. Там, у подножия главной башни, двигались фигуры в черных балахонах. Распорядители ночной смены. Среди них выделялась одна — высокая, прямая, с идеальной осанкой. Декан Морайя. Она шла медленно, прогулочным шагом, наслаждаясь морозом. В руке она несла корзину. Плетеная ивовая корзина была наполнена доверху.

Белыми розами. Свежими, покрытыми каплями росы. Декан остановилась, достала один цветок и поднесла к лицу, вдыхая аромат прикрытыми глазами. Выражение чистого, незамутненного блаженства на ее лице было страшнее любой гримасы ненависти. Это было лицо наркомана, получившего самую чистую дозу в мире.

Алиса закрыла глаза. Страх отступил, смытый волной ледяной ярости. Ее называли «Экзекутус-Омега». Редкий дар, способный менять вероятности. До сегодняшнего дня она боялась использовать его, опасаясь нарушить баланс и убить кого-то косвенно, как случилось с мальчиком-официантом.

Теперь правила изменились. Баланс уже был нарушен. Самой Академией. Если система построена на убийстве детей ради молодости преподавателей, то сохранение такой системы не является добродетелью.

Она открыла глаза. Над головой Грея изумрудная нить будущего дрогнула и стала чище. Угроза Сизого Носа отошла на второй план. Главная угроза сидела сейчас в кабинете ректора, смакуя украденную жизнь маленькой девочки.

Алиса подошла к койке и осторожно вытащила из-под головы Грея подушку. Помяла ее в руках, создавая уютное углубление. Затем аккуратно положила голову мужа обратно, убедившись, что ему удобно дышать.

— Спи, — прошептала она, целуя его в лоб. — Я скоро вернусь. Мне нужно кое-что найти в библиотеке. Настоящий дневник. Не приманку.

Она вышла из кубрика, плотно притворив за собой тяжелую железную дверь. Замок щелкнул автоматически. В коридорах Казарм пахло металлом, потом и безнадеей. Но здесь хотя бы не было запаха роз.

Алиса направилась обратно к Центральному Шпилю. Ей нужен был доступ в Закрытый Сектор. Хранилище, куда ссылали неудобные книги. Если фасад библиотеки пытался их сжечь, значит, настоящие ответы спрятаны глубже. Там, где стены сделаны из человеческих костей, скрепленных раствором из отчаяния.

Она сняла перчатку с левой руки. Холодный воздух обжег кожу. Где-то высоко над ней, на вершине Башни Наблюдателей, в кабинете Верховного Магистра Корвина зазвенел хрусталь. Кто-то вошел без стука. — Она знает, — раздался скрипучий голос Седого мужчины с мечом. — Девочка с даром изменения вероятностей сошла с рельсов. — Пусть побеждает, — ответил спокойный, уставший голос Корвина. — Пока она бежит, она предсказуема. Главное, чтобы наш общий друг с сизым носом не решил вмешаться раньше времени. Контракт остается в силе. Нам нужна демонстрация хаоса, чтобы ввести военное положение. А твоя игрушка, Солар, создаст нам идеальный хаос. Передай заказчику, что спектакль начнется завтра на закате. Билеты в первый ряд уже оплачены. Осталось только выпустить джина из бутылки.

Верховный Магистр отпил из бокала. На дне плескалась тягучая рубиновая жидкость. — За здоровье наших студентов, — усмехнулся Корвин, поднимая бокал в тосте пустой комнате. — Да пребудет с ними Баланс.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.